

ДЖУД ДЕВЕРО

УТРЕННЯЯ
ЛУНА

Лунный свет

Джуд Деверо
Утренняя луна

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Деверо Д.

Утренняя луна / Д. Деверо — «АСТ», 2012 — (Лунный свет)

ISBN 978-5-17-102030-9

Джекка Лейтон оставила шумный Нью-Йорк и отправилась на лето в тихий провинциальный городок Эдилин – отдохнуть, порисовать, повидаться с лучшей подругой... Однако там ее неожиданно настигла любовь. Местный врач, обаятельный и мужественный Тристан Олдридж, виделся с Джеккой лишь однажды, когда ей было лишь девятнадцать, но хватило и одной новой встречи, чтобы прошлое оживило, а его полузабытое чувство к ней вспыхнуло с новой силой. Джекка и Тристан счастливы, однако... дни летят, и вскоре наслаждение безумство страсти уступает место вопросу: как быть дальше? Расстаться – и забыть друг о друге? Или кому-то из влюбленных придется полностью изменить свою жизнь ради другого?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102030-9

© Деверо Д., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джуд Деверо

Утренняя луна

Пролог

Нью-Джерси
2004 год

– Папа, – сказала Джекка Лейтон, – я хочу на пару недель съездить в Виргинию – навестить Ким. Думаю, ты вполне справишься в магазине без меня. – Она знала, что ведет себя не как взрослая девятнадцатилетняя женщина, а как капризная маленькая девочка, но ничего не могла с собой поделать.

– Джекка, ты весь год провела со своей подругой, жила в одной комнате с ней и с той, другой девушкой... забыл, как ее зовут.

– Софи.

– Да. И я не понимаю, почему ты не можешь побыть несколько недель со своим старым отцом.

«Он хочет, чтобы я почувствовала себя виноватой», – подумала Джекка и сжала кулаки. Отец виртуозно умел этого добиваться. Можно сказать, довел свое умение до уровня настоящего искусства.

Возвратившись из колледжа два месяца назад, она сразу стала работать в семейном магазине металлоизделий и провела в нем все лето. Отец воспринимал это как должное, сам за это время не взял ни одного выходного и считал, что святой долг дочери – быть постоянно рядом с ним. Джекка замещала по очереди всех сотрудников, уезжавших в отпуска, и не считала, что бесконечное общение с сотнями желающих делать все в доме своими руками означает «побыть» с отцом, поскольку беседовали они в основном о новых сверлах для дрелей и о перфораторах.

Джекка была благодарна отцу за все, что он сделал для нее, и хотела бы подольше побыть с ним, но считала, что имеет право на личное время и желала в течение четырнадцати дней делать только то, что хочется ей. Лежать в бикини у бассейна. Флиртовать с парнями. Болтать с Ким о... обо всем на свете. Грезить о будущем. Она собиралась стать художницей и изучала искусство в колледже. Ким рассказывала, что ее дом в Виргинии расположен в очень красивом месте, и Джекка мечтала запечатлеть это великолепие на бумаге. В общем, план был превосходным, дело оставалось за малым – уговорить отца, поскольку вряд ли имело смысл бросать ему вызов и идти на открытый конфликт.

Наблюдая, как отец расставляет коробки на деревянных полках, она вспоминала последнее письмо Ким.

«Ты должна провести хоть немного времени на Фраппе-Пойнт, – писала Ким. – Если забраться на скалу, оттуда можно увидеть два округа! Некоторые парни, включая моего брата, сбрасывают на вершине одежду и прыгают вниз – в водоем, расположенный у подножья. Скала очень высокая, и такие прыжки могут быть смертельно опасны. Но это смельчаков не останавливает. Однако и помимо голых мальчишек здесь очень красиво и есть на что посмотреть».

Джекка запаслась терпением и объяснила все отцу, стараясь быть как можно более обстоятельной и вежливой, чтобы показать, что она уже взрослая и принимает обдуманные решения. В конце концов, ей необходимы новые работы, которые она должна представить в колледж в начале нового учебного года.

Отец выслушал ее самым внимательным образом и спросил, заказала ли она десятипенсовые гвозди.

Терпение Джекки иссякло раньше, чем ей хотелось бы.

– Это несправедливо! – закричала она. – Ты отпустил Джоуи на все лето. Почему я не могу провести вдали от дома две недели?

Джо Лейтон взглянул на дочь с искренним недоумением.

– У твоего брата теперь есть жена, и я надеюсь, что они подарят мне внуков.

– Иными словами, ты дал возможность Джоуи не работать все лето, – задыхнулась Джекка, – чтобы он имел возможность трахать Шейлу?

– Следите за своим языком, юная леди, – промолвил отец и перешел к отделу электроинструментов.

Джекка знала, что должна успокоиться. Она ничего не добьется, разозлив отца.

– Папа, ну пожалуйста, – взмолилась она тоном маленькой послушной девочки.

– Ты хочешь встретиться с парнем, не так ли?

Джекка сумела сдержаться и не закатыть глаза, мысленно похвалив себя за выдержку. Отец не мог думать ни о чем другом.

– Папа, там нет никакого парня. То есть у Ким есть старший брат, но он со школы встречается с какой-то девушкой и влюблен в нее по уши. – Она вздохнула и напонила себе, что не стоит отвлекаться. Отец каким-то непостижимым образом всегда узнавал, когда дочь обманывает. А Джоуи даже самая чудовищная лож сходила с рук. «Я гулял с друзьями», – обычно говорил он, и отец молча кивал. Позже Джекка ехидно предупреждала брата: «Если еще раз бросишь использованный презерватив в машине, то найдешь его на своей подушке».

– Папа, – устало вздохнула Джекка, – я просто хочу две недели посплетничать с подружкой и порисовать, чтобы, вернувшись в колледж, показать Софи и преподавателям одну или две новые акварели, будто я беззаботно отдыхала все лето, а не работала как проклятая в твоём магазине. Вот и все, клянусь тебе!

Взгляд, которым ее одарил отец, заставил Джекку замолчать.

– Пожалуйста, – повторила она после затянувшейся паузы.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Когда ты хочешь ехать?

Джекка прикусила губу, чтобы не выпалить, что готова выскочить за дверь немедленно. Вместо этого она обняла отца за плечи и, слегка наклонив голову, чмокнула его в щеку. Джо Лейтон всегда гордился высоким ростом дочери – она была даже немного выше его – и повторял, что она пошла в мать, в семье которой все женщины были высокие и худощавые.

Зато его старший отпрыск – сын Джоуи – был каждой клеточкой Лейтон. Не выше 160 сантиметров, он был очень плечист и широк в кости, но при этом в нем не было ни грамма жира – только мышцы. Сказалась работа в магазине с двенадцати лет. Джекка называла брата Бульдожкой.

На следующее утро она уже сидела в самолете: не хотелось, чтобы внезапно объявился какой-нибудь подрядчик, у которого украли (потеряли, уничтожили) инструменты и материалы и которому необходимы новые, причем немедленно. Тогда ей пришлось бы остаться, чтобы доставить заказчику на пикапе гвозди, кровельное железо и прочее.

Спустившись по трапу самолета в Ричмонде, Джекка поискала глазами среди встречающих Ким, но не увидела ее. Зато заметила отца Ким. Она видела его лишь однажды, но хорошо запомнила этого красивого представительного мужчину, который был на несколько лет старше ее отца.

– Все в порядке? – с тревогой спросила она.

– И да, и нет, – ответил мистер Олдридж. – Ночью нам пришлось отвезти Ким в больницу с приступом острого аппендицита.

– Как она себя чувствует?

– Сейчас все в порядке, но ей придется провести в больнице еще несколько дней. Жаль, что мы не успели позвонить тебе вчера, чтобы ты отложила поездку.

– Я два месяца уговаривала отца, чтобы он отпустил меня к вам. Полагаю, в случае задержки мне вообще не удалось бы вырваться.

– Мы, отцы, можем быть проблемой, – усмехнулся он.

– Я не имела в виду...

– Все в порядке, Джекка. Я все понимаю. Как ты думаешь, почему Ким не приезжает к тебе в гости? Я не могу с ней расстаться.

Джекка улыбнулась. Ким всегда говорила, что ее отец – слабый противник.

«Он самый милый человек на свете. А вот мать...» – говорила она.

Софи и Ким уверяли, смеясь, что с матерями часто возникают проблемы. Джекка втайне считала, что проблем с ее отцом хватит на троих.

Они сели в машину мистера Олдриджа и поехали в Эдилин. Путь был неблизким.

– Ким придется некоторое время оставаться в постели, но могу познакомить тебя со здешней молодежью. У моего сына много друзей, есть еще кухня Сара...

– Не беспокойтесь, мне не будет скучно – я буду рисовать, – сказала Джекка. – Я привезла с собой достаточно бумаги, кистей и красок, чтобы хватило надолго. Ким писала мне о Фраппе-Пойнт... – Мистер Олдридж издал громкий звук, как будто Джекка сказала нечто глупое или неприличное. – Что-то не так?

– Нет, я только хотел сказать, что любое место следует именовать так, как его назвали изначально. То, которое ты имеешь в виду, называется Стерлинг-Пойнт.

Джекка не стала бы клясться, но ей показалось, что мистер Олдридж покраснел.

– Лучше поговори об этом с Ким, – пробормотал он.

– Хорошо, – ответила она.

На несколько минут воцарилось молчание. Его нарушил мистер Олдридж.

– Полагаю, я должен рассказать тебе о моем сыне Риде. Он и его подруга недавно расстались. – Мистер Олдридж вздохнул. – Мальчик впервые узнал, что такое разбитое сердце. Я говорил ему, что это случилось с ним в первый, но не в последний раз, однако он не верит. Бедняга так расстроен и подавлен, что, боюсь, вылетит из медицинской школы.

– Это действительно серьезно. Я думала, он вот-вот женится.

– Мы все так думали. Он и Лаура Чонли со школы были парой. Рид никогда не смотрел на других девушек.

– Но зачем так... – Подумав, Джекка решила оставить свое мнение при себе.

– Ты хочешь сказать, зачем так себя ограничивать? Согласен. Но Рид чертовски упрям – весь в мать.

– Ким тоже, – улыбнулась Джекка.

– О да. Если мои дети что-то решили, переубедить их совершенно невозможно.

– Судя по всему, Лаура изменила Рида?

Мистер Олдридж тяжело вздохнул.

– Собственно говоря, она изменила не характер моего мальчика, а всю его жизнь. Он собирался после завершения учебы вернуться сюда и обзавестись практикой. И честно говоря, не знаю, как он теперь поступит.

Джекка видела Рида Олдриджа лишь однажды, когда Ким въехала в студенческое общежитие, но хорошо его запомнила. Великолепно сложенный роскошный красавчик, эдакий лакомый кусочек. В последнее время всякий раз, когда Ким заговаривала о брате, Джекка слушала с напряженным вниманием.

– Они поссорились? – спросила она, благоразумно воздержавшись от вопроса, доступен ли он для общения с другими девушками, например, с ней.

– Насколько я знаю, нет. Лаура просто его бросила, в один прекрасный день заявив, что между ними все кончено и она полюбила другого.

– Бедный Рид. Надеюсь, она не выбрала новым объектом своего внимания жителя вашего небольшого городка, и Риду не придется часто видеть их вместе.

Мистер Олдридж на секунду отвлекся от дороги и покосился на свою собеседницу.

– Она не настолько деликатна. Лаура увлеклась новым пастором баптистской церкви Эдилаина. Если мой сын когда-нибудь пойдет в церковь – а он клянется, что ноги его там не будет, – ему придется слушать проповеди мужчины, укравшего у него невесту.

– Мне так жаль! – с чувством воскликнула Джекка, хотя внутренне ликовала. Красавчик с разбитым сердцем, нуждающийся в утешении! Поездка к подруге становилась с каждой минутой все более интересной.

Приехав в Эдилин, Джекка выразила должное восхищение, которого от нее ждали, симпатичным, аккуратным городком. Исторические здания были отреставрированы и превосходно сочетались друг с другом. Город казался удивительно гармоничным, ни одна деталь не выбивалась из общего ряда, не казалась чужеродной. Современные конструкции из стекла и стали в Эдилине были под запретом.

Как будущий художник, Джекка не могла этого не оценить, но она всю жизнь стремилась вырваться из крохотного городка в Нью-Джерси, в котором выросла, и трудилась ради этого не покладая рук. Поэтому искреннее восхищение у нее вызывали только большие города, такие как Нью-Йорк.

Что касается Рида, он собирался стать врачом, а значит, мог бы работать где угодно. К тому же теперь его связь с Эдилином была разорвана. Джекка представила, как они вдвоем живут в Париже: он – известный кардиохирург, она – художница, перед которой благоговевут французы; они часто приезжают в Эдилин, чтобы навестить Ким.

Машина остановилась перед домом Олдриджей, и Джекка спросила:

– Когда я смогу увидеть Ким?

– В любое время. Жена уже в больнице, и я поеду туда же, как только выгружу твои вещи. Можешь поехать со мной, если хочешь.

– Очень хочу.

Они проехали десять миль от дома Олдриджей до больницы в Вильямсбурге. Увидев Ким, сидящую в постели с альбомом в руках, Джекка с облегчением рассмеялась.

– Похоже, с тобой все в порядке, отдыхаешь.

Родители Ким вышли из палаты, дав возможность подругам поговорить.

Как только они остались наедине, Джекка спросила:

– Я сказала твоему отцу, что хочу порисовать на Фраппе-Пойнт, и он едва не лишился чувств. Почему?

– Ты не сделала этого!

– Сделала, – сказала Джекка. – Так что колись!

– Я же говорила, что нельзя упоминать это название в присутствии жителей Эдилаина.

– Ничего подобного ты не говорила.

– Ну, может, и не говорила. – Ким покосилась на дверь и понизила голос: – Это своего рода местный бордель, то есть не совсем бордель, а место, куда приходят потрахаться. И так продолжается уже много десятилетий.

– Десятилетий? – недоверчиво переспросила Джекка.

– После Первой мировой войны – это точно. А она закончилась в...

– В 1918 году, – быстро сказала Джекка. – И прошу, не напоминай мне о той войне – ведь именно тогда был открыт магазин «Скобяные товары» Лейтонов. А если я еще раз

услышу о том, что у нас, Лейтонов, есть традиции, которые мы обязаны поддерживать... Ладно, так что там с войной?

– Кто-то назвал это место Мысом французских писем – ну, ты знаешь, что так раньше назывались презервативы, а их там использовали в большом количестве. Постепенно «французские письма» превратились во «фраппе» – так появилось название.

– Понятно, – заключила Джекка. – Значит, я должна называть этот мыс Стерлинг-Пойнтом в беседах со всеми, кому за тридцать.

– Совершенно верно.

– Дай посмотреть, что ты рисуешь, – попросила Джекка и взяла альбом подруги.

Страстью Ким были драгоценности, и она обожала естественные формы. Собственно, это и объединило студенток в колледже. Не важно, о чем заходила речь, – о драгоценностях, картинах или скульптуре, – они предпочитали воспроизводить то, что видят в природе.

– Мне нравится, – сказала Джекка, разглядывая наброски кольца в форме веточек. Они словно обнимали женскую шею. – Ты добавишь драгоценные камни?

– Я не могу себе позволить камни. Мне и серебро вряд ли по карману.

– Могу попросить папу, чтобы он прислал несколько стальных подшипников.

Ким рассмеялась.

– Лучше расскажи, как это он отпустил тебя ко мне? И еще, поподробнее, – о тебе и мужчинах, желательно о тех, на которых из одежды надеты только пояса для инструментов.

– С радостью, но сначала ты расскажешь мне о Риде, Лауре и скверном мальчишке-пасторе.

Ким застонала.

– Только не упоминай об этом, если Рид окажется поблизости. И не шути.

Улыбка исчезла с лица Джекки.

– Все так плохо?

– Хуже, чем ты можешь себе представить. Рид действительно без памяти любил эту маленькую шлюшку и...

– Ты всегда придерживалась именно такого мнения о ней?

Ким снова посмотрела на дверь.

– По правде говоря, мое мнение было еще хуже. Я считала ее обыкновенной... заурядной.

Родившись талантливыми, Джекка и Ким были благодарны судьбе, но никогда не сказали бы во всеуслышание, что немного презирают людей, которые не умеют творить.

– Насколько обыкновенной? – спросила Джекка.

– Абсолютно. Она никогда не сделала ничего, отличающегося от того, что делают все. То, как она одевалась, о чем говорила, что готовила – все это было безвкусным... унылым. Я никогда не могла понять, что Рид в ней нашел.

– Она хорошенькая?

– Да, но ничего выдающегося. Понимаешь, она такая, как все.

– Может быть, по этой причине она и ушла от твоего брата? Возможно, чувствовала себя неуверенно рядом с Ридом, – предположила Джекка. – Я видела его лишь однажды, но, насколько помню, он весьма недурен собой. И вероятнее всего, умен, иначе не смог бы учиться в медицинской школе.

Взгляд Ким стал тяжелым.

– Ты приехала ко мне или к моему внезапно ставшему свободным брату?

– Я узнала, что он свободен, только час назад. Но теперь намерена этим воспользоваться.

Ким хотела что-то сказать, но увидела, что в палату входит ее мать.

– Считай, что получила мое благословение, – прошептала она и пожала руку подруги.

С благословением или без него, но в течение следующих дней Джекка обнаружила, что не может привлечь внимание Рида. Он был даже красивее, чем ей помнилось, к тому же в свои двадцать шесть лет был близок к тому, чтобы стать настоящим доктором.

Джекка старалась изо всех сил, но он ее не замечал. Она носила очень короткие шорты, обнажавшие стройные ноги, и открытые маечки, демонстрировавшие красивую грудь. Но Рид на Джекку не смотрел. По правде говоря, он не смотрел ни на кого. Он просто бродил по дому в старых джинсах и свитере, иногда сидел, уставившись в телевизор, но чаще его невидящий взгляд был устремлен в стену. Создавалось впечатление, что его тело оставалось живым, а душа умерла.

Пару раз Ким ловила на себе задумчивый взгляд матери Ким и Рида. Похоже, женщина поняла, что Джекка пытается привлечь внимание ее сына. Судя по всему, она это одобряла, поскольку была очень добра к госте. Она даже устроила в ее честь вечеринку и пригласила много гостей, в основном неженатых мужчин. Многие заинтересовались Джеккой, но та ничем не поощряла их. Ее мысли были заняты Ридом.

Три дня она из кожи вон лезла, чтобы привлечь внимание Рида, но наконец сдалась. Он не заинтересовался ею, и похоже, с этим ничего нельзя было поделать. И она перестала одеваться так, словно ищет работу стриптизерши.

Ким нарисовала ей схему пути до Фраппе-Пойнт. Джекка надела простенькие джинсы и футболку, взяла этюдник и поехала на машине Ким к месту, о котором так много слышала.

Первый день она провела на Фраппе-Пойнт, почти не прерывая работу. Ким была права. От великолепия пейзажей захватывало дух. Там была высокая живописная скала, с вершины которой открывался изумительный вид на окрестные поля и городки. С одной стороны вплотную к скале примыкал чистейший глубокий водоем, поверхность которого сверкала и переливалась на ярком солнце. Сначала Джекка сфотографировала окрестности. Она не любила рисовать с фотографий – собственно говоря, у нее это не слишком хорошо получалось, но надо было учиться.

Она увлеченно работала, стараясь передать легкую голубоватую дымку, поднимавшуюся над низменностями Виргинии и постепенно таявшую в кронах деревьев, накладывала одну краску на другую, чтобы показать игру света.

Джекка экспериментировала с красками, работая скрупулезно и неторопливо над одним пейзажем и нанося быстрые легкие мазки на другой.

На второй день она не стала забираться на вершину скалы, а осталась внизу, решив уделить внимание цветам, листьям, траве, коре деревьев. Она не старалась придумать какую-нибудь композицию – просто рисовала то, что видела. Природа сама создавала композиции, органичные и совершенные по цвету и форме.

Несколько раз она ложилась на траву, внимательно разглядывая цветочки размером с божью коровку, чтобы потом воссоздать их на бумаге. Она активно использовала цифровую фотокамеру («Огромное спасибо тебе за этот королевский подарок, папа!»), увеличивала изображение, чтобы разглядеть пестики и тычинки, тончайшие прожилки на лепестках и крошечные листочки. В итоге у нее получился цветок, целиком заполнивший лист плотной альбомной бумаги.

Джекка была настолько поглощена своим занятием, что не видела и не слышала ничего вокруг. Неожиданно раздавшийся неподалеку громкий крик заставил ее испуганно вздрогнуть. Она выглянула из-за кустов и поняла, что, сама того не желая, хорошо спряталась и увидеть ее можно, только подойдя очень близко.

Взглянув вверх, она увидела стоящего на краю скалы мужчину. Солнце светило ему в спину, поэтому лица она не разглядела. Его красивое тело было обнажено. Судя по всему, он намеревался совершить один из печально известных прыжков со скалы в водоем.

– Этот прыжок я посвящаю тебе, Лаура Чонли! – крикнул мужчина. – Прощай навсегда!

Джекка испуганно ахнула. Рид Олдридж! Пребывавший в глубочайшей депрессии молодой человек собирался прыгнуть с головокружительной высоты в водоем, вероятно, чтобы свести счеты с жизнью!

Девушка отбросила рисунок, споткнулась о чемоданчик с красками, в результате чего разноцветные тюбики покатались по траве, и выскочила из своего укрытия.

– Нет! – истошно завопила она. – Рид, не надо!

Однако он ее не услышал. Охваченная ужасом, она следила, как он поднял руки, оттолкнулся и грациозно прыгнул головой вниз со скалы, вошел в воду мастерски, почти без брызг... и не выплыл.

Прошло много минут, но голова Рида так и не появилась на поверхности. Повинуясь не разуму, но инстинкту, Джекка подбежала к кромке воды и прыгнула в нее в чем была – в одежде и туфлях. Она была не слишком хорошей пловчихой, но уверенно держалась на воде и надеялась заметить Рида в глубине, поскольку вода была удивительно чистой и прозрачной.

Она нырнула с открытыми глазами, но ничего не увидела. Вынырнув, глотнула побольше воздуха и снова устремилась в глубину, стараясь как можно дольше задерживать дыхание. Рида не было видно. При третьей попытке Джекка заметила что-то впереди себя. Она рванулась вперед и ухватила за чью-то лодыжку.

Рид дернулся так резко, что Джекка отлетела в сторону, ударила головой о подводную часть скалы и камнем пошла ко дну. Однако Рид успел схватить ее за руки и поплыл вместе с ней к поверхности. Она смутно ощутила, как он вытащил ее из воды и положил на теплые камни. Потом склонился над ней, словно намереваясь сделать искусственное дыхание «рот в рот», но Джекка сразу начала кашлять, выплевывая воду.

Рид опустил рядом на колени.

– Какого черта ты хотела сделать? – крикнул он. – Ты бы утонула, не окажись я рядом!

– Я бы не прыгнула в воду... – она замолчала, переживая очередной приступ кашля, – если бы не пыталась спасти тебя.

– Меня? Ты серьезно? Я не нуждался в спасении!

– Но я же не знала! – воскликнула Джекка и села. Тут она снова обратила внимание на то, что Рид обнажен, и решила быть современной женщиной и не упоминать о его наготы. – Я думала, что ты хочешь таким образом... решить свои проблемы. – Ей пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы говорить связно.

Рид, казалось, забыл о том, что на нем нет никакой одежды.

– Ты думала, что я хочу совершить самоубийство? – На его красивом лице отразилось искреннее изумление. Затем он встал и отошел на несколько шагов.

Джекка знала, что должна отвернуться, но не могла отвести глаз от совершенного мужского тела: широких плеч, узких бедер, красивых ягодиц, сильных мускулистых ног. Такое тело не приобретешь, проводя дни и ночи за письменным столом.

Она не сразу заметила, что неподалеку лежит его аккуратно сложенная одежда.

– Возможно, я в последние дни действительно был немного не в форме, – задумчиво сказал Рид, засунув в джинсы одну ногу.

«Немного не в форме? Да ты развалился на куски», – подумала Джекка, но промолчала. В данный момент ее значительно больше занимало то, что Рид, как выяснилось, не носит нижнего белья.

– Хотя, честно говоря, я считал, что неплохо справился с обрушившимися на меня неприятностями, – сообщил он. – Все же со мной поступили плохо.

– Дьявольски плохо, – поддакнула Джекка. – Это настоящее предательство.

– Совершенно верно. – Рид просунул в джинсы вторую ногу, натянул их на бедра, но не застегнул.

«Думаю, с моей стороны было бы слишком большой наглостью сбегать за камерой и сделать несколько снимков», – подумала Джекка.

– Низкий поступок, – сказала она.

– Да уж, – вздохнул Рид, не глядя сунул ноги в старые шлепанцы и натянул через голову выцветшую футболку, скрывшую от жадного взгляда Джекки рельефные мускулы плеч и живота.

Джекка откинулась назад, во все глаза наблюдая, как он застегивает джинсы. Шоу было великолепным; ничего подобного ей раньше не доводилось видеть.

Он вернулся к ней, передал полотенце и опустился на корточки.

– С тобой все в порядке? Я имею в виду твое физическое состояние.

– Да, конечно.

– Не возражаешь, если я тебя осмотрю?

Джекка опустила на камень.

– Я вся ваша, – сказала она и после паузы добавила: – Док.

Рид ощупал ее голову в поисках шишки или ссадины.

– Лаура вольна делать то, что ей нравится. Следи за моим пальцем.

Она повела глазами сначала в одну сторону, потом в другую.

– Если она захотела кого-то другого, это ее право. Где-нибудь больно?

Джекка хотела спросить, принимается ли в расчет тело, ноющее от желания, но передумала.

– Поверь, все в полном порядке, – сообщила она.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Рид. – Мне тоже кажется, что с тобой ничего не случилось.

– Спасибо, – сказала Джекка, впрочем, без энтузиазма. – Значит, ты не пытался свести счеты с жизнью?

– Нет, конечно. Я прыгаю с этой скалы с самого детства. Но только ничего не говори моей матери, иначе она начнет терроризировать местные власти, требуя обнести эту скалу колючей проволокой или взорвать. – Он на несколько мгновений замолчал. – А что ты здесь делаешь?

– Рисую, – ответила Джекка.

Рид огляделся по сторонам, но ничего не увидел. Тогда девушка встала, полезла в кусты, вернулась оттуда с рисунками и разложила их на камнях.

– Красиво, – сказал Рид. – Я, конечно, не художественный критик, но... – Он пожал плечами.

– Тебе нравится?

– Да. – Он улыбнулся, сел и привалился спиной к камню.

Джекка оставила рисунки, чтобы они подсохли на солнце, и села рядом, впрочем, не слишком близко. Их разделяло не меньше метра.

– Сейчас ты чувствуешь себя лучше?

– Да, – кивнул Рид. – Вся эта история с Лаурой оказалась для меня настоящим шоком. Возможно, ты еще слишком молода, чтобы понять, но...

– Мне уже девятнадцать.

– Что ж, возможно, и поймешь. Дело в том, что я никогда не был в постели ни с одной девушкой, кроме Лауры.

– Не может быть! – Джекка уставилась на своего собеседника в изумлении.

– Странно, да?

– На самом деле это здорово, – подумав, сказала она. – Просто верность и преданность – забытые в наше время добродетели.

– Уверен, Ким сказала тебе, что я влюбился в Лауру еще в восьмом классе. Мы вместе учились в старших классах, потом в колледже. И когда я поступил в медицинскую школу, тоже оставались вместе.

– Ну да. У вас действительно все шло к свадьбе. Но, возможно, она хотела чего-то другого, а ты ей не мог этого дать?

Рид посмотрел на Джекку с уважением:

– А ты умна.

Она не ответила, лишь улыбнулась, соблазнительно и загадочно. По крайней мере она надеялась, что ее улыбка была именно такой.

Только Рид все равно ничего не заметил.

– Лаура сказала, что этот парень ничего о ней не знает: что она любит есть, во что одеваться и что собирается сказать.

– Но если она столь предсказуема, разве тебе не было с ней скучно? – Джекка понятия не имела, как он отнесется к ее словам, но ситуацию следовало прояснить.

– Ты наверняка говорила об этом с моей сестрой. Ким всегда повторяла, что Лаура скучна, как потемневшие столовые приборы, где под темным налетом нет серебра.

– Это похоже на Ким. Ну и что ты собираешься делать дальше?

– Для начала успокою родителей и перестану тенью бродить по дому. Ну а потом постараюсь наверстать упущенное время.

– Начнешь обращать внимание на других женщин? – полюбопытствовала она, мысленно подсказывая ему самый, по ее мнению, логичный путь: «Начни с меня!»

– Возможно. В любом случае я больше не хочу чувствовать себя несчастным. Определенно.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Джекка. – Возможно, у тебя... и у меня что-нибудь получится.

Рид встал и с удовольствием потянулся.

– Извини, девочка, мне необходимо заниматься. Думаю, прежде всего мне следует вернуться в школу и выяснить, как там дела. Я и так потерял слишком много времени... – Он решительно взмахнул рукой. – С прошлым покончено.

Джекка тоже встала. Она отчаянно пыталась придумать какую-нибудь умную фразу, которая заставила бы его остаться, но в голову ничего не приходило.

Он отвернулся и быстро зашагал прочь, но почти сразу остановился и, помедлив, вернулся к ней.

– Спасибо тебе за все. Неразумно было с твоей стороны прыгать в воду, когда не знаешь дна, но я ценю твой порыв. Высоко ценю.

Мгновение поколебавшись, он приподнял ее подбородок и нежно поцеловал в губы. Это был дружеский поцелуй, жест благодарности, но у Джекки подогнулись колени. Она думала о Риде целый год, потом увидела его обнаженным, наблюдала, как он одевается... Стоит ли удивляться такой реакции?

Она подняла руки, желая обнять восхитительного мужчину, привлечь к себе, но тут губы Рида оторвались от ее рта, он отступил на шаг и всмотрелся ей в лицо.

– Надо же, а ты, оказывается, уже взрослая. Пожалуй, мне лучше уйти, пока я не позволил себе лишнего с подружкой моей маленькой сестренки. Спасибо тебе, Джекка. За то, что выслушала. За то, что посочувствовала. За все.

В следующее мгновение он уже бежал прочь. Через несколько секунд послышался рев автомобильного двигателя, и вскоре снова наступила тишина.

Джекка еще долго сидела на камне, мрачно разглядывая разложенные вокруг рисунки. Потом тяжело вздохнула и громко выругалась. Налетел прохладный ветер, и она задрожала.

В присутствии Рида ей было так тепло, что она и думать забыла о промокшей одежде, но теперь вся покрылась гусиной кожей и клацала зубами.

Собрав свои вещи и прихватив полотенце Рида, она села в машину Ким и отправилась в обратный путь. Не успела она проехать и километра, как по стеклам забарабанили крупные капли дождя. К тому времени как она подъехала к жилищу Олдриджей, оказалось, что Рид уже уехал.

Его родители смотрели на нее, широко улыбаясь.

– Рид сказал, что ты спасла ему жизнь, – проговорила миссис Олдридж.

– Я пыталась, – ответила Джекка, – но, как выяснилось, он не тонул.

Переодевшись, она рассказала мистеру и миссис Олдридж слегка отредактированную версию произошедшего, и они пришли к выводу, что, возможно, именно ее поступок окончательно вывел Рида из депрессии.

– Не думаю, – задумчиво пробормотала Джекка, но ей было очень приятно, что у его родителей сложилось такое мнение.

Что касается Ким, то, оставшись наедине с подругой, она сразу спросила:

– Ты с ним переспала?

– Я бы не возражала, – вздохнула Джекка, – но его такая перспектива не заинтересовала.

Поскольку Джекка была прелестной девушкой и мужчины обычно ходили за ней толпами, Ким потребовала подробностей:

– Это мой брат, и я должна знать, что с ним происходит.

Джекка рассказала подруге более полную версию случившегося, включая то, что Рид был голым. Она опустила лишь одну деталь – признание Рида, что Лаура была единственной женщиной в его жизни. Ей казалось, что, раскрыв этот секрет, она предаст его доверие.

– Он считает тебя маленьким ребенком, как и меня, – сказала Ким.

– Наверное, ты права, – вздохнула Джекка. – Хорошо, что он уехал. А то я оказалась бы в неловком положении.

– Ты познакомилась со всеми моими родственниками, – сказала Ким. – Если хочешь сходить на свидание, это очень легко устроить. Тебе ведь, кажется, понравился мой кузен Тристан.

Джекка выглядела озадаченной.

– Ну, тот парень, с которым ты болтала в саду.

– Ах да, помню. Спасибо, Ким, но не надо. – Джекка усмехнулась. – Я уже получила один отказ. На первое время этого хватит.

Через две недели Джекка вернулась домой к отцу, брату и невестке. С собой она привезла почти пятьдесят рисунков. Большинство из них были неплохими, но четыре работы были лучшими из всего, что ей до сих пор удавалось написать.

Отец крепко обнял и сказал:

– Насколько я понимаю, ты сделала то, что хотела. Тем не менее выглядишь еще более унылой, чем до отъезда. Что случилось?

– Ничего, – вздохнула Джекка.

– Ты не умеешь врать, тем более мне.

– Это точно. Я не Джоуи.

Джо внимательно смотрел на дочь и молчал.

– Действительно ничего не случилось. Просто мне хотелось понравиться одному парню, но он мной не заинтересовался.

– Ну и дурак, – сказал Джо Лейтон.

Джекка улыбнулась.

– Все парни – задницы, – бодро сообщила она, вызвав на лице отца веселую ухмылку.

Глава 1

*Эдилин, Виргиния
2011 год*

Джекка Лейтон приезжает в Эдилин на все лето!

Доктор Тристан Олдридж положил телефонную трубку, закончив разговор со своей кузиной Ким. Наконец-то в его жизни наметились перемены к лучшему. В последние недели он думал, что черная полоса никогда не кончится.

Кожа сильно зудела. Он взял проволоку от вешалки-плечиков и почесал руку под гипсовой повязкой. «Вот для чего пригодились знания, полученные за много лет обучения в медицинской школе, – подумал он, – чтобы сломать вешалку и почесать проволокой руку под гипсом».

Тристан старался не вспоминать о случившемся с ним несколько недель назад. Он ехал в аэропорт, когда сообразил, что оставил свой телефон дома. Будучи единственным врачом в маленьком городке, он был обязан оставаться на связи. Поэтому вернулся домой, где застал грабителя, получил удар по голове бейсбольной битой и скатился с высокого холма в овраг. Теперь его рука в гипсе, а отцу пришлось приехать из Сарасоты, чтобы временно взять на себя медицинскую практику сына. Тристану было велено отдыхать. Ничего не делать. Пусть рука заживает.

От вынужденного безделья Тристан сходил с ума. Как можно ничего не делать? Он вспомнил, что много раз говорил это собственным пациентам, и разозлился еще сильнее. Год за годом он благоразумно предлагал пациентам найти себе занятие, которое можно выполнять одной рукой. Или ногой. В конце концов, это же временно. Так что нет абсолютно никаких причин для бесконечных жалоб и нытья. Но когда то же самое было сказано ему, оказалось, что найти себе дело совершенно невозможно. Оставалось только ныть, злиться и чесать руку обломком вешалки.

– У меня много пациентов. От меня зависит целый город, – сказал Трис своему доктору.

– А вы, разумеется, единственный врач, который может ими заняться, – усмехнулся доктор, приподняв бровь. Он не желал понимать затруднительного положения, в котором оказался Трис, и, похоже, не испытывал к нему абсолютно никакой симпатии. Трису отчаянно захотелось заехать стулом по стетоскопу доктора. Желательно, когда упомянутый медицинский прибор будет находиться у того в ухе.

С отцом получилось еще хуже. Он приехал из Сарасоты, где жил, уйдя на покой, и начал ворчать с того самого момента, когда переступил порог кабинета Триса – кабинета, в котором раньше принимал больных сам. Отец моментально заметил изменения, которые произвел Трис, и заявил, что тот должен был сохранить все как было. Когда же сын не согласился, ему было предложено идти домой и чем-нибудь заняться.

– Чем, например? – пробормотал Трис, уходя.

Он подумывал уехать из Эдилина на некоторое время, но отказался от этой мысли. Ему нравилось дома. Кроме того, следовало заботиться о растениях и о нескольких пациентах, о которых отцу не надо было знать.

Тем не менее лето предстояло безрадостное, и Трис думал о нем без всякого энтузиазма.

А потом позвонила Ким и спросила, чем он занят. Он не стал жаловаться, но позволил себе несколько раз тяжело вздохнуть. Ким искренне посочувствовала и сообщила восхитительную новость: оказывается, ее подруга Джекка Лейтон приезжает в Эдилин на все лето. Она будет здесь работать. И в первый раз после того, как он пришел в себя в овраге и

понял, что рука сломана при падении, Трис приободрился. Имя Джекки всегда вдохновляло его. Он видел ее лишь однажды много лет назад во время первого приезда в Эдилин. Тогда она только перешла на второй курс колледжа, а Трис уже был молодым врачом, начавшим работать под началом своего отца.

Родители Ким устроили вечеринку и пригласили родственников, которых у них было множество, познакомиться с Джеккой. Набился полный дом народу, причем все гости отлично знали друг друга, и им было о чем поговорить. Один только Трис заметил, как Джекка потихоньку выскользнула из дома через заднюю дверь. Он хотел отнести ей «Маргариту», но вовремя вспомнил, что она того же возраста, как Ким, – ей всего лишь девятнадцать, поэтому налил стакан лимонада и вышел во двор.

– Хочешь пить? – спросил он, протянув ей стакан.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарила Джекка, взяла стакан, но даже не взглянула на того, кто его принес.

То, что она никак не отреагировала на его появление, можно сказать, не заметила его, заставило Триса растерянно моргнуть. Он никогда не жаловался на недостаток женского внимания. Девушки обычно сами проявляли инициативу, и ему оставалось только выбирать. А эта девчонка задумчиво смотрела на освещенный лунным светом двор, не обращая никакого внимания на стоящего рядом с ней красивого молодого человека. До этого момента она была всего лишь подружкой Ким по колледжу, но теперь Тристан взглянул на нее совсем другими глазами. Джекка была очень привлекательной, высокой и стройной, с весьма аппетитными округлостями во всех нужных местах. На ней были джинсы и рубашка, подчеркивающие ее формы, не вызывающе, а сдержанно – ему это очень понравилось. Девушка выглядела изящной, пожалуй, даже элегантной. Милое личико обрамляли короткие темные волосы. У нее были зеленые глаза, вызывавшие ассоциацию с лепестками дикой орхидеи, и маленький вздернутый нос – почему-то Трису очень захотелось его поцеловать. Губы Джекки были идеальной формы, но, к сожалению, не улыбались. Девушка была настолько печальна, что Трис поневоле нахмурился. Он многое бы отдал, чтобы увидеть, как ее глаза зажгутся весельем.

– Нас оказалось слишком много для тебя? – улыбнулся он.

– Да, – честно ответила Джекка. – У Ким так много родственников... намного больше, чем... – Она запнулась и виновато покосилась на Триса. – Ой, прости, я не имела в виду ничего плохого. Вся семья так добра ко мне. Родители Ким устроили эту вечеринку в мою честь, чтобы я могла со всеми познакомиться. Но мне трудно воспринять так много новых людей сразу. Ты извини, но я не запомнила твоего имени.

– Тристан.

– Ах да, писатель.

– Нет, – усмехнулся он.

– Юрист?

– Содрогаюсь при одной только мысли об этой профессии. – Он поставил свой стакан и облокотился о низкую кирпичную стенку, окружавшую двор.

– Наверное, ты один из тех... – Она замолчала и махнула рукой в сторону дома. – Из тех, кто занимается машинами.

– Ты имеешь в виду Фрейзеров? Нет, я Олдридж.

Джекка повернулась к своему собеседнику, слегка нахмурившись. А потом она улыбнулась, и при виде ее чарующей улыбки сердце Триса подпрыгнуло куда-то в горло. Как же она прелестна! Ее освещенная мягким лунным светом кожа казалась алебастровой.

– Теперь я вспомнила. Ты доктор, как Рид?

Тристан одарил ее обольстительной улыбкой – обычно женщины от нее таяли. Но только не Джекка. Она спокойно смотрела на него, ожидая ответа.

– Да, я врач и работаю здесь, в Эдилине.

Она слегка наклонила голову и с любопытством спросила:

– А тебе нравится быть доктором, или такова семейная традиция Олдриджей?

Тристан не привык, чтобы очаровательные молодые женщины стояли перед ним в лунном свете и задавали вопросы о его самых сокровенных мыслях. Он бы не удивился, если бы она спросила о чем-то, касающемся ее здоровья, или молча подошла бы ближе, приглашая ее обнять. Но Джекка поинтересовалась его жизнью.

– Если ты скажешь, что хочешь помогать людям, это не в счет.

Ему хотелось развеселить ее, но вместо этого он рассмеялся сам. Потому что именно это и собирался сказать. Немного подумав, Трис негромко проговорил:

– Знаешь, пожалуй, у меня не было выбора. С тех пор как себя помню, мне хотелось лечить, избавлять от страданий, исправлять и улучшать. Ребята со всей округи приносили ко мне раненых зверюшек, и я накладывал им повязки.

– Кажется, твой отец тоже врач. Он тебе помогал?

– Нет, – сказал Трис, улыбаясь, – поскольку был слишком занят со своими пациентами. Но он все понимал и говорил, что делал то же самое, когда был маленьким. Мне помогала мама. Она достала с чердака старые учебники отца, и мы вместе учились промывать и зашивать раны. Думаю, она предварительно советовалась с отцом, но мне все равно очень нравилось проводить время с ней, познавая азы будущей профессии.

– Мне понравился твой рассказ, – сказала Джекка. – Моя мама умерла, когда я была совсем маленькой, и я ее не помню. Но отец всегда был рядом. Он замечательный человек и многому меня научил.

– Ты скуечаешь по нему, – заметил Трис. Не в силах справиться с порывом, он придвинулся ближе к Джекке, впервые почувствовав, что встретил родственную душу. Ему хотелось взять эту девушку за руку и увести подальше от дома, потом сесть рядом с ней на скамейку и проговорить всю ночь напролет. – А ты бы хотела... – начал он, но умолк, не завершив фразы, поскольку дверь дома открылась и во двор вышла Ким.

– Вот ты где, – сказала она Джекке. – А тебя все ищут. – Потом перевела взгляд на Тристана и явно смутилась. Ей показалось, что между этими двумя что-то происходит, а она помешала.

Джекка сделала шаг к подруге, потом обернулась к Тристану.

– Я была рада познакомиться с тобой. Надеюсь, мне никогда не понадобится твоя профессиональная помощь, – сказала она и пошла вслед за Ким в дом.

Больше Тристан Джекку не видел. Он собирался пригласить ее и Ким к себе, но у одной из пациенток обнаружился тромб в ноге, и ее пришлось отправлять вертолетом в Ричмонд. Трис полетел вместе с ней, а когда вернулся в Эдилин, Джекка уже уехала обратно в Нью-Джерси. Он не сомневался, хотя об этом ему никто не говорил, что в ее памяти он остался «одним из кузенов Ким».

Тристан сказал себе, что все правильно. Джекка для него слишком молода – ей всего девятнадцать, а ему уже двадцать семь. По сравнению с ней он старик. И ему пришлось довольствоваться крохами информации, получаемыми от Ким. Он часто спрашивал о ней, правда, при этом всегда старался казаться безразличным.

– Как поживает твоя подруга? Не помню, как ее зовут... Ах да, Джекка Лейтон. Как у нее дела? У вас появились новые друзья? Может быть, у вас с кем-то серьезные отношения? – Он всегда задавал свои вопросы добродушно-покровительственным тоном, и Ким, похоже, не понимала, как сильно он заинтересован.

Она отвечала Трису, что высоко ценит его внимание: как-никак такой занятой человек, как он, запомнил ее подругу, с которой виделся лишь однажды, и интересуется ее делами. Он вообще очень хороший человек, поскольку находит время слушать ее болтовню о делах в колледже. Ким поведала ему, что Джо Лейтон едва не свел свою дочь с ума жестким контро-

лем, и рассказала, на какие уловки шла подруга, чтобы выкрутиться. Каких успехов достигла в рисовании и с какими парнями общается. Ким рассказывала и о другой своей подруге – Софи и, судя по всему, ни разу не заметила, что Тристан всегда старался повернуть беседу так, чтобы больше узнать о Джекке.

Всякий раз когда Джекка приезжала в Эдилин в гости к Ким, Тристан рвался увидеться с ней, но всегда ему что-то мешало. Нечто непредвиденное случалось с кем-то из пациентов. Один раз во время ее визита он был во Франции – вырвался в отпуск. А то, что он был там с другой женщиной, не имело значения, по крайней мере для него.

Однажды, оказавшись проездом в Нью-Йорке, Трис зашел в галерею, где работала Джекка, но выяснилось, что она в это время была в Нью-Джерси. В другой раз, находясь на конференции, он арендовал машину, поехал в Нью-Джерси и зашел в магазин скобяных товаров Лейтона, но только Джекки там не застал. Трис увидел ее отца, невысокого коренастого мужчину, который, казалось, был одинаковым в высоту и в ширину и состоял из одних мускулов, но не придумал, что ему сказать. Сообщить, что ищет девушку, которую видел лишь однажды, когда ей было девятнадцать? Джо Лейтон не был похож на человека, который встретил бы такое заявление довольной улыбкой. Поэтому Тристан купил совершенно ненужный ему набор инструментов и отбыл в Эдилин.

Зато теперь Джекка приезжает на все лето. Наконец-то у него появился шанс провести с ней побольше времени. Теперь разница в возрасте не казалась ему препятствием, и, возможно, они наконец сумеют узнать друг друга лучше.

– Эй, послушай, я знаю, что надо сделать. Мы куда-нибудь сходим все вместе – ты, я, Джекка и Рид. Устроим что-то вроде двойного свидания.

Тристан задумался: какое отношение имеет Рид к Джекке? Но потом решил, что никакого. Наверняка никакого.

– Джекка приезжает в Эдилин? – только и сумел выговорить он. – Как тебе удалось это устроить?

– Я ей предложила на выбор: я и Эдилин, или ее отец и Нью-Джерси. Она нисколько не раздумывала.

Трис нахмурился.

– А как насчет Рида? Ведь он уже давно не приезжал домой. Года два или около того.

– О Боже, кажется, я выболтала то, что должно было оставаться тайной. Лучше спроси у своего отца.

– Кимберли! – воскликнул Тристан самым суровым тоном, на который был способен. – Что происходит?

Но Ким не испугалась.

– Разве твоя мама не говорила, что собирается в путешествие, причем, заметь, не одна, а вместе с твоим отцом?

– Не помню. Со мной за последние недели произошло слишком многое. Невозможно держать в памяти все.

– Я знаю, и мы все стараемся тебе помочь. – Ким не стала терять время на изъявление сочувствия. – Твоя мама утверждает, что ни за что не откажется от путешествия, о котором мечтала так давно. Она сказала моей маме, что полгода уговаривала твоего отца, и если теперь дело сорвется, ей больше никогда не удастся затащить его на круизное судно.

– Ким, какое все это имеет отношение к Риду и Джекке?

– Я как раз хотела сказать об этом. Ты слишком торопишься. Твой отец отправляется в круиз, а Рид возвращается в Эдилин, чтобы взять на себя твою практику, пока ты болеешь.

Тристан постарался сдержать нетерпение.

– Это очень благородно с его стороны. Риду давно пора осесть. Возможно, он останется здесь.

– Ты считаешь, что все нормальные люди должны жить только в Эдилине, штат Виргиния?

– Только хорошие люди. – Он глубоко вздохнул. – Ну а при чем здесь твоя подруга Джекка?

– Ты помнишь, как Джекка впервые приехала меня навестить? Кажется, тогда вы с ней познакомились, не так ли?

– Да. – Тристан никому не признался бы даже под пыткой, как много значило для него то мимолетное знакомство.

– Тогда между ними кое-что произошло, и она все эти годы его не забывала. Думаю, когда они встретятся снова... Ну, я надеюсь, между ними установятся хорошие отношения. Я собираюсь сделать все от меня зависящее, чтобы свести их вместе.

– А что между ними было?

– Ох, это долгая история, – сказала Ким, – а мне некогда. Надо еще отполировать свадебные кольца. Но ты должен скрестить пальцы, чтобы мне удалось свести этих двоих вместе. Джекка и Рид будут прекрасной парой.

– Рид хочет путешествовать по миру. Он никогда не оседет на одном месте.

– Ты же только что сказал... Наверное, у тебя все же плохое настроение. Если так, мы скорее всего не станем приглашать тебя сходить куда-нибудь с нами троими. – Ким сделала паузу, ожидая ответа, но когда его не последовало, вздохнула. – Ты не против, если я зайду вечером и покажу свои последние наброски?

«Я бы лучше послушал твои рассказы о Джекке», – подумал Тристан, но оставил свои мысли при себе. Он все из нее вытянет, когда она явится.

– Конечно, нет. Буду рад компании.

– Тогда займись пока своими орхидеями, – велела Ким и повесила трубку.

Трис некоторое время стоял в раздумье, не сводя взгляда с телефона. Он был рад, что Джекка приезжает в Эдилин, причем не на несколько дней, а на все лето. Но что у нее с Ридом? Ким никогда не говорила об этом.

Он пошел в спальню, включил свет и остановился перед зеркалом. Поколебавшись, достал из-за него сложенную пополам фотографию. Она была старой, изрядно поблекшей, да и Джекка на ней была не одна. Состояние фотографии явственно указывало на то, что ее часто держали в руках.

Трис расправил ее и задумчиво взглянул на двух молодых женщин. Блондинка была, безусловно, прелестным созданием в стиле красоток середины прошлого века – с большой грудью, широкими бедрами и узкой талией. Ее лицо привлекало кукольной красотой – белой кожей, розовыми щеками, огромными голубыми глазами и полными губками. Тристану никогда не нравилась эта девушка, и он сложил фотографию так, чтобы видеть только Джекку.

Растянувшись на кровати, он взгляделся в изображение девушки, ставшей его мечтой. Ким прислала ему эту фотографию вместе с множеством других вскоре после знакомства с Джеккой. Он сохранил ее как память. Да, она выглядела великолепно в бикини – высокая, худощавая, грациозная. У нее было тело спортсменки. Судя по всему, ей бы понравилось ездить по заповеднику к жилищу его кузена Рона на велосипеде или на полноприводном джипе по бездорожью – в тех местах отличная рыбалка.

Трису, безусловно, нравилось ее тело, но дело было не в этом. Его очаровывало ее лицо, оно пленяло, приводило в трепет. Ее глаза смеялись – и это было чудесно. Судя по всему, эта девушка могла смеяться, даже когда ей было трудно.

А Трису так не хватало в жизни смеха!

Ему нравилось быть врачом и помогать людям. Он знал, что спас несколько жизней. Но получая результаты анализов, показывавшие, что у пациента, который был ему небезразличен, рак четвертой степени, он начинал ненавидеть свою работу.

В последние годы он все чаще думал о том, что не хотел бы возвращаться с работы в пустой дом. Ему было необходимо, чтобы его ждал человек, с которым можно поговорить, который умеет слушать и понимать.

Время от времени Тристан встречался с женщинами, но так и не нашел той, о которой мечтал. Все его бывшие подружки хотели выйти за него замуж и не скрывали этого, и всякий раз он чувствовал, что их привлекает его положение, а не он сам. Они больше думали о статусе жены доктора, чем о самом Тристане.

Несколько лет назад он почти поверил одной из них. Они познакомились на вечеринке и встречались целый год. Секс был выше всяких похвал. Эта девушка из городка Виргиния-Бич имела степень по бизнесу и занималась торговлей медикаментами. Она была умна, и общение с ней доставляло истинное удовольствие. Они прожили вместе несколько месяцев, и Тристан уже начал подумывать о свадьбе, но однажды случайно услышал, как она обсуждает с подружкой по телефону кольцо, которое он, конечно же, ей вот-вот подарит. «Уверена, он может позволить себе не меньше трех карат, – сказала она. – И знаешь, не могу дождаться, когда смогу добраться до его мерзкой старой развалюхи. Пусть даже мы будем приезжать туда только на выходные, там невыносимо. Надо все сломать и построить нормальный дом».

Трис шагнул вперед, чтобы она его увидела, выслушал все извинения и объяснения, но остался непреклонным. Девушка поняла, что все это бесполезно, и в тот же вечер покинула его дом. Больше они не встречались.

После этого у него не было ни одного серьезного увлечения. А в последние два года он вообще ни с кем не встречался.

В городе поговаривали, что Тристан постепенно превращается в старого холостяка и уже никогда не женится. В глубине души он и сам начинал в это верить.

Его кузены уже давно обзавелись женами и детьми, и ему даже не с кем было встретиться выпить пива. Все они были счастливы в браке и старались все свободное время проводить с любимыми женщинами и малышами. По крайней мере так они говорили Трису, и у него не было причин не верить. Честно говоря, порой он думал, что его кузены оказались в домашнем рабстве, а он единственный наслаждается полной свободой. Трис часто шутил о безмятежном покое, царящем в его доме, но подозревал, что никого не сумел обмануть.

Он снова взглянул на фотографию Джекки. Несколько лет назад его сестра Эдди разозлилась, когда он сообщил о разрыве с девушкой, которая ей очень нравилась.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Тристан? – воскликнула она, уперев руки в бока. Он завтракал у нее дома, рядом сидела его племянница Нелл.

– Полагаю, сейчас ты мне скажешь, – буркнул он, не отрываясь от газеты.

– Тебе никогда не приходилось прилагать усилия, чтобы завоевать девушку. Ты знаешь, что это такое – прилагать усилия?

Тогда он подумал, что заявление Эдди абсурдно. Оторвавшись наконец от газеты, он бросил хмурый взгляд на сестру.

– Ты имеешь в виду девушку, которую я приглашал полетать на воздушном шаре? Или ту, с которой ездил на три дня в Нью-Йорк? Или...

Эдди досадливо отмахнулась.

– Да, я знаю. Ты мистер Совершенство. Само очарование и все такое. Женщины теряют голову, едва взглянув на твой божественный лик, а ты развлекаешься, благосклонно позволяя им мечтать о будущей жизни с тобой.

Тристан отложил газету и покосился на Нелл.

– Ты понимаешь, о чем говорит твоя мать?

В то время Нелл было только шесть лет, но она всегда была маленькой взрослой. Торжественно кивнув, малышка ответила:

– Да. Моя учительница говорит, что ты самый красивый мужчина из всех, что ей приходилось видеть в своей жизни, и она попросила у меня номер твоего мобильного телефона.

– Вот видишь! – Эдди гордо выпрямилась. – Об этом я и говорю.

Трис продолжал задумчиво смотреть на племянницу:

– Ты имеешь в виду учительницу с короткими рыжими волосами или с длинными черными?

– С черными, – сказала Нелл и откусила кусочек тоста.

– Вот как, – пробормотал Трис и снова взял газету. – Ты ей улыбайся, но телефон не давай. А если попросит рыжеволосая, ей можешь дать.

– Неллония! – завопила Эдди. – Не смей давать номер телефона твоего дяди никому. А ты, Тристан, если не перестанешь валять дурака, окончишь свою жизнь старым холостяком в окружении десятка кошек. Неужели ты не хочешь иметь собственную семью?

Он снова положил газету, но на этот раз его лицо было серьезным.

– Я открыт для предложений, так что скажи, если знаешь, как найти женщину, которая желала бы стать не супругой доктора, а моей женой. Что же касается девицы, которая тебе так понравилась... Она не желала жить в Эдилине и настаивала, чтобы я переехал в Нью-Йорк и занялся пластической хирургией. Там я смог бы делать настоящие деньги.

– О! – воскликнула Эдди и присела на край стола. – Я не знала. Она мне об этом не говорила.

Тристан залпом выпил апельсиновый сок и предложил Нелл последовать его примеру.

– Эдди, – мягко сказал он. – Я бы очень хотел решить эту проблему, но не могу себя изменить. Вопреки тому, что обо мне говорят, мне нравятся умные женщины, с которыми можно не только заниматься сексом, но и поговорить. Но, увы, все, с кем я до сих пор встречался, предлагали оставить эту дыру, уехать в большой город и начать зарабатывать деньги.

– Я же не знала... – Эдди опустила голову. – Хотя все это лишь подтверждает мою правоту. Ты должен найти женщину, которая не станет думать, что ты – решение всех ее проблем. Отыщи ту, которая не захочет, чтобы ты за ней ухаживал.

– Но если она не захочет, с какой стати я буду за ней ухаживать? – искренне удивился Тристан.

– Взгляни на меня, – сказала Эдди. – Когда я встретила Джека, он был последним мужчиной, с которым мне хотелось бы встречаться. Пропахший бензином и машинным маслом автомеханик, к тому же мечтающий о службе в армии? Да ни за что на свете! А теперь все вокруг завидуют нашему счастью!

Тристан взглянул на свою очаровательную племянницу и действительно почувствовал, что завидует своей сестре. Она и Джек, ее муж, на самом деле были счастливой парой.

– Я хочу иметь семью, – повторил он, – но где мне найти вторую половинку?

– Надень маску, – сказала Нелл и, когда взрослые уставились на нее с искренним недоумением, повторила: – Надень самую уродливую маску, дядя Трис.

Эдди и Трис рассмеялись, и напряжение ушло.

Спустя несколько недель Трис встретил женщину, которая ему понравилась, и решил, что, вероятно, стоит попробовать. Возможно, его сестра права, ведь он никогда не старался завоевать женщину. Разрыв произошел, когда обнаружилось, что она не принимает противозачаточные таблетки.

Трис снова посмотрел на фотографию. Что бы ни случилось, Джека постоянно присутствовала в его мыслях. Возможно, те несколько минут, которые они провели вместе на заднем дворе дома родителей Ким, ничего не значили для Джеки, но для него они оказались

незабываемыми. На нее не произвели никакого впечатления ни его внешность, ни профессия. Она заглянула прямо в его душу, увидела в нем человека... мужчину. Тристану пришло в голову, что, будь он даже хромым или увечный, для Джекки это не было бы решающим фактором.

Эдди сказала, что ему никогда не приходилось прилагать усилия к тому, чтобы завоевать женщину. Она все же ошиблась. Он старался завоевать Джекку, но потерпел поражение. Все попытки еще раз встретиться с ней оказались неудачными.

Так что там насчет Рида Олдриджа? Что у него может быть общего с Джеккой? И почему Ким все эти годы хранила в секрете то, что между ними произошло?

Тристан с отвращением покосился на свою руку в гипсе. Как можно привлечь женщину, имея полностью загипсованную – до самого плеча – руку? Рид ездил по всему миру, спасая людей и привлекая к себе всеобщее внимание. Весьма впечатляющее занятие. Разве может Трис с ним соперничать? Он знал из собственного опыта, что увечный мужчина пробуждает в женщине материнские чувства, желание ухаживать за ним. Но ему не нужна была еще одна мать или сестра. Он хочет встретиться с Джеккой, как мужчина встречается с женщиной, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Трис солгал Ким, сказав, что забыл о круизе, в который собираются его родители. Его отец прожужжал ему об этом все уши. Трис не имел ничего против. Если отец уедет, значит, можно будет вернуться к своей медицинской практике, пусть даже рука пока остается в гипсе. Однако ему ничего не было известно о том, что мать связалась с Ридом и договорилась о его возвращении в Эдилин.

Он взял сотовый телефон, нашел ежедневник и проверил даты. У него было очень мало времени между планируемым отъездом родителей и прибытием Рида. В гипсе или нет, Трис твердо намеревался встретить Джекку в день ее приезда.

И на этот раз он постарается, чтобы она его запомнила.

Глава 2

Джекка ехала по извилистой дороге, ведущей в Эдилин. Кроны старых развесистых деревьев по обе стороны шоссе сплелись высоко над головой, и казалось, что она едет по длинному темному тоннелю и вот-вот попадет в некое зачарованное место, находящееся за пределами реального мира.

Она посоветовала себе умерить воображение. Сколько бы раз она ни приезжала в этот маленький городок, в нем ничего не менялось. Ей всегда казалось, что она едет в место такое же скрытое и удаленное, как Бригадун¹. Если бы не постоянные контакты с Ким и ее собственные визиты в этот городок, Джекка могла бы подумать, что Эдилина в реальности не существует. Она попросту придумала это местечко, в которое когда-то сбежала из магазина скобяных товаров, чтобы две недели заниматься живописью.

К ней снова вернулись воспоминания о том времени. Как она влюбилась в старшего брата Ким и, грубо говоря, предложила ему себя. Даже теперь, много лет спустя, вспоминая об этом, Джекка чувствовала смущение. Слава Богу, он не принял ее столь откровенного предложения. В то время душевная боль, которую он испытывал, казалась романтической, но с тех пор Джекке и самой довелось пережить разрыв серьезных отношений, и теперь она точно знала, что ничего романтического в случившемся с Ридом не было.

Раньше, направляясь в Эдилин, Джекка всегда летела самолетом в Ричмонд, а там ее кто-нибудь встречал. В этот раз она впервые отправилась в Виргинию на машине и рассчитывала провести в Эдилине все лето. Надо сказать, что, независимо от того, каким путем она приезжала, город всегда ее изумлял и очаровывал.

Деревья расступились неожиданно, и перед ней открылся великолепный вид на город. Джекка увидела симпатичные маленькие домики, стоящие вдоль дороги. У каждого было широкое крыльцо, к каждому вела подъездная дорожка. Привлекало внимание то, что на крылечках не было ненужного хлама. Там стояли небольшие столики и стулья, на которых сидели люди, наблюдая за проезжающими машинами. Снизив скорость до сорока километров, она помахала рукой незнакомому старику, который с готовностью тоже поднял руку в приветственном жесте. Наверное, если бы она остановилась, он предложил бы передохнуть и выпить стакан домашнего лимонада.

Через несколько минут она въехала в деловую часть городка. Последние годы Джекка жила в Нью-Йорке, поэтому деловая активность Эдилина могла вызвать разве что улыбку. Деловой центр городка состоял из площади, окруженной аккуратными маленькими магазинчиками, и еще одной, посреди которой рос старый дуб.

Джекка остановилась перед единственным в городе светофором и стала лениво наблюдать за людьми, идущими по своим делам по чисто выметенным улицам. Никто никуда не спешил. Прохожие приветливо улыбались, здоровались, обращаясь друг к другу по имени. Многие женщины катили детские коляски и часто останавливались, чтобы похвастаться перед подругами упитанными здоровыми малышами.

«Избави бог», – подумала Джекка и, дождавшись зеленого сигнала светофора, поехала дальше. Она знала, что Ким любила свой городок со страстью, граничившей с одержимостью. Ей же был нужен большой город.

Однако сейчас она с нетерпением ждала встречи с маленьким Эдилином. У нее было три совершенно свободных месяца, которые можно было посвятить любимому занятию – рисованию. Работа в художественной галерее большого города позволяла оплачивать счета,

¹ «Бригадун» – американский художественный фильм (1954). Так называется шотландская деревня, которая появляется на один день каждые сто лет. – *Здесь и далее примеч. пер.*

но не удовлетворяла внутренней тяги к творчеству. Когда берешь лист бумаги и начинаешь заполнять его изображениями, цветовыми пятнами, словами или нотными значками, испытываешь чувство, которое не может сравниться ни с чем. Оно знакомо лишь тому, кто берет воск, плавит его, создает что-то очень красивое, а потом отливает необыкновенные ювелирные изделия, как Ким. Или тому, кто из бесформенного комка глины лепит фигурку человека или сказочное создание, как их подруга Софи. Иными словами, людям творческих профессий.

Джекка всегда стремилась показать красоту самых простых вещей. Таковую цель она перед собой поставила. Но еще больше ей хотелось, чтобы ее творения были интересны людям. Возможно, за предстоящие три месяца ей удастся создать то, что люди купят, просто потому что им понравится. Они принесут ее картины в свои дома, украсят ими комнаты и каждый день станут радоваться, глядя на них.

Джекка так задумалась о предстоящей работе, что проехала нужный поворот. Пришлось развернуться, чтобы попасть на Олдридж-роуд. Всякий раз видя это название, она не могла не улыбнуться – несколько сот лет назад эта улочка была названа в честь одного из предков Ким.

– Наша ветвь семьи не владеет домом, который носит название Олдридж-Хаус, и мы не живем на Олдридж-роуд, – сказала она Джекке давным-давно.

Сделав левый поворот, Джекка сразу почувствовала, что попала в дикую местность. По сути, так оно и было. Ким рассказывала, что в 1950-х годах правительство США решило превратить весь этот район в природный заповедник. Между делом, словно это ни для кого не имело значения, населению Эдилина было велено покинуть район. Все дома, в том числе построенные еще в семнадцатом веке, подлежали сносу. Правительственные чиновники были немало удивлены, когда упомянутое население решительно отказалось покидать насиженные места и заявило, что не допустит сноса зданий.

Джекка слышала историю о том, как одна из старейших жительниц городка, некая мисс Эди, много лет посвятила борьбе и в конце концов выиграла. Город продолжал жить. Но проблема заключалась в том, что, пока суд да дело, дикая природа – в основном леса – окружила город, отрезав его от всего мира, и он стал, во всяком случае, по мнению Джекки, слишком изолированным от внешнего мира.

Из-за этой борьбы, отнявшей очень много сил, семейства, веками жившие в Эдилине, теперь владели землей в месте, которое, в сущности, было государственным лесным заповедником.

Джекка ехала по Олдридж-роуд, и ей казалось, что на этой улице не может быть никаких жилых домов. Во всяком случае, домов с водопроводом и канализацией. Однако Ким говорила, что там стоят два дома. Первый – это Олдридж-Хаус, резиденция местного доктора. Он, конечно же, был кузеном Ким, и она клялась, что Джекка встречалась с ним во время своего первого визита в Эдилине, хотя Джекка его не помнила. Последним на Олдридж-роуд был дом миссис Уингейт.

– Это новый дом, – сказала Ким по телефону, когда Джекка позвонила ей перед отъездом. – Он был построен в 1926 году покойным отчимом Оливии Уингейт, приехавшим сюда из Чикаго.

– Новые люди?

– Ну да, – серьезно ответила Ким. – Если они осели в Эдилине после Войны за независимость, они... – Она сделала паузу.

– Новички! – выпалили подруги хором и засмеялись.

– Не знаю, как ты это терпишь, – сказала Джекка. – Мой отец любит повторять, что его дед открыл магазин скобяных товаров в 1918 году. Поэтому он искренне уверен, что у нашего семейного предприятия долгая и славная история, но у вас...

– Да, я знаю, – сказала Ким. – Мы здесь все немного отстали от жизни, но... на прошлой неделе у нас появился первый факс.

– Шутишь! – воскликнула Джекка.

– Да, шучу. Так когда ты приезжаешь?

– Послезавтра. Полагаю, буду у вас около часу дня.

– Превосходно! Значит, обедаем вместе.

– Договорились.

Когда Джекке сказали, что она свободна на все лето, она была в шоке. Ее начальница решила отправиться в путешествие по Европе со своим новым мужем и закрыть на это время галерею. Джекке оставляли основное жалование, но она лишалась комиссионных и бонусов. Впрочем, даже получая только зарплату, три месяца можно было прожить, если экономить, конечно. Кроме того, она сумела сдать на это время свою квартирку в Грамерси-парке – нанимателем стала кухня ее невестки. Это ощутимо увеличило ее доходы.

Узнав потрясающую новость, Джекка сразу позвонила Ким и сказала, что получила неожиданный отпуск на три летних месяца, который начинается через две недели.

– Что ты намерена делать? – спросила Ким.

– Не знаю. Боюсь сказать отцу. Он потребует, чтобы я приехала домой и поработала в магазине.

– А он познакомит тебя с подходящими молодыми людьми с поясами для инструментов?

– Об этом я не думала. Знаешь, а я, пожалуй, все-таки позвоню папе. Помнишь, я рассказывала о парне, с которым лишилась невинности? Он обычно ходил без рубашки, только в джинсах и тяжелых ботинках. Возможно, я могла бы...

– Приезжай сюда, – сказала Ким.

– Ты имеешь в виду, в Эдилин?

– Да, приезжай сюда и пиши. Красками. Или карандашом. Или сваривай стальные болванки. Короче, занимайся чем хочешь. Только приезжай в Эдилин на все лето.

Джекка понимала, что такой серьезный поступок надо как следует обдумать. Но она никогда не мешкала, принимая решения.

– Да, – сказала она, – пожалуй, я так и сделаю.

Ким сначала издала восторженный вопль, потом сказала:

– Не волнуйся, я обо всем позабочусь. Так, надо поговорить с миссис Уингейт...

– Почему с ней надо поговорить, кем бы она ни была?

– У нее большой дом, и я слышала, что часть его она сдает. Я немедленно отправлюсь в ее магазин и договорюсь. Все, я побежала. Перезвоню.

Джекка отключила телефон и заулыбалась. Подруга умела развивать бурную деятельность, и можно было не сомневаться, что она не упустит ни одной мелочи.

Вечером того же дня Ким позвонила и сообщила, что все устроила.

– Понимаешь, оказывается, у миссис Уингейт есть три квартиры. То есть это не совсем квартиры, скорее меблированные комнаты, поскольку в них нет кухни, но, как бы то ни было, одна из них теперь твоя.

В ее голосе звучало такое торжество, словно она выдержала сражение с парой-тройкой драконов.

– Было трудно договориться? – спросила Джекка, понимая, что Ким умирает от желания рассказать все в мельчайших подробностях.

– Ужасно, но мне на помощь пришел кузен Трис.

– Трис? – недоуменно переспросила Джекка, тщетно стараясь вспомнить, кто это.

– Он местный доктор и живет по соседству с миссис Уингейт. Я тебе много о нем рассказывала, и вы познакомились, когда ты в первый раз приехала в Эдилин.

– Мне надо увидеть его, чтобы вспомнить, – сказала Джекка. – А что он сказал, чтобы уговорить ее?

– Миссис Уингейт для него как вторая мать, он имеет на нее большое влияние. Кстати, она собиралась сдать комнату мужчине восьмидесяти двух лет. Трис сказал, что ей придется подавать ему завтрак в постель.

– Ты хочешь сказать, что я не получу завтраков? Никаких подносов с теплыми булочками и домашним мармеладом?

– Никаких. Зато ты сможешь пользоваться кухней.

– Это хорошо. Ты же знаешь, какая из меня кухарка.

– Неужели ты до сих пор всем блюдам предпочитаешь чипсы? – удивилась Ким.

– Не забывай, я живу в Нью-Йорке. И мои пристрастия в еде несколько изменились. Теперь моя любимая еда – рогалики.

Джекка ехала по Олдридж-роуд и улыбалась приятным воспоминаниям. Слева от себя за деревьями она увидела дом. Он был довольно далеко от дороги, и перед ним голубел водоем. В начале подъездной дороги была установлена вывеска: «Доктор Тристан Олдридж».

Она остановилась и еще раз проверила свои записи, сделанные под диктовку Ким. «Проедешь мимо дома Триса до конца улицы и увидишь дом миссис Уингейт. Припаркуйся у входа, и там я тебя встречу».

Джекка поехала дальше, но забеспокоилась. Быть может, Ким ошиблась? Деревья по обе стороны дороги росли стеной, вплотную друг к другу, и нигде не было видно ни намека на жилые постройки. У нее создалось впечатление, что где-то здесь заканчивается обитаемый мир. Потом дорога резко повернула влево, и перед ней возник довольно большой дом, выкрашенный белой краской, трехэтажный, с коричневыми ставнями, зеленой крышей и мансардой с окнами. Дом окружала идеально подстриженная лужайка с гигантскими деревьями. Пожалуй, они должны были бы занимать почетное место в ботаническом саду.

Медленно подъехав ко входу, Джекка остановила машину.

– Эй! – крикнула она и, не получив ответа, огляделась по сторонам. В какой-то момент она почувствовала, что за ней наблюдают. Однако поблизости никого не было. Разыгралось воображение, решила она, потянулась и вдохнула полной грудью свежий воздух. Да, это определенно не Нью-Йорк.

Дверь большого дома оказалась незапертой. Она неуверенно вошла и оказалась в огромной гостиной с камином. Мебель в ней была красивой и весьма необычно подобранной. Смешение стилей от строгих деревянных конструкций до эдвардианского плюша с элементами ар-деко наводило на мысль, что ее собирали несколько поколений. Все было в хорошем состоянии, не новым, а достаточно изношенным, чтобы комната выглядела обитаемой. Большая удобная софа словно приглашала сесть на нее.

Джекке-художнице комната понравилась. Похоже, ее обстановку собирали лет восемьдесят или даже сто. Или здесь поработал отличный дизайнер.

Возле камина виднелась еще одна открытая дверь, и через нее Джекка прошла в большую столовую, длиной не меньше девяти метров. В дальнем конце стоял длинный стол, а размеры комнаты вполне позволяли считать ее банкетным залом.

– Здесь мог бы легко разместиться король Артур со всеми своими рыцарями, – громко проговорила Джекка.

Она услышала, как слева от нее хлопнула дверь, пошла на звук и оказалась в длинной узкой оранжерее, в которой три стены и потолок были стеклянными. Жалюзи из тонких бамбуковых палочек защищали комнату от избытка солнца.

В одном конце оранжереи стояли стулья – снова совершенно разные, но так искусно подобранные, что не было ощущения несоответствия. Наоборот, они удивительно хорошо

подходили друг к другу. И кругом было много растений, причем разных, но больше всего здесь было орхидей. Они росли в деревянных ящиках, подвешенных к потолку: во все стороны торчали бело-зеленые корни, грациозно изгибались узкие длинные листья, нежные цветы на высоких стеблях источали тонкий аромат. По периметру помещения на скамьях стояли растения в горшках. Среди экзотических цветов виднелись перистые листья папоротника.

Джекка никогда не видела такого разнообразия орхидей. Здесь были очень крупные экземпляры, похожие на гигантских диковинных бабочек. Их цвета не могли не восхищать – от яркого цвета фуксии до ослепительно-белого. Некоторые цветочки были мелкими – они росли на стеблях гроздьями. Здесь тоже были все мыслимые цвета и оттенки, причем некоторые лепестки были крапчатыми. Джекка заметила несколько больших кричаще-ярких цветущих растений – одежду подобных расцветок любили носить зрелые женщины во времена президента Эйзенхауэра.

На полу стояли кадки, такие массивные, что для их перемещения пришлось бы использовать подъемный кран. Из них словно выплескивались, каскадом спускаясь к полу, тысячи изумительных цветков. В тени под одной из скамеек стояли странные, даже немного пугающие растения с толстыми лепестками ярко-красного и темно-зеленого цветов.

– Великолепно! – проговорила Джекка, медленно идя по оранжерее. – Просто дух захватывает.

– Я обязательно передам твои слова Трису.

Джекка оглянулась и увидела Ким, вышедшую из-за кадки. Последовали радостные объятия и громкие восклицания:

– Ты выглядишь потрясающе!

– Ты тоже!

– Как ты похудела!

– Тебе идет этот цвет!

Подруги были искренне рады встрече. Они познакомились в первый день своего пребывания в колледже, когда стали соседками по комнате, и с тех пор подружились. Сначала вместе жили в общежитии, затем сняли квартиру. Через некоторое время к ним присоединилась Софи, и троица стала великолепной командой. Каждая девушка была творческой личностью, и все они увлекались разными видами искусства.

Единственной любовью Ким были ювелирные изделия, и она уже много лет оставалась верна этой страсти. А Джекке просто хотелось творить. Именно она привезла старую швейную машинку своей матери, чтобы сшить занавески. И она же знала все о карнизах, шурупах и дюбелях, необходимых, чтобы их повесить.

– Наследие скобяных товаров Лейтона, – усмехаясь, говорила она.

Софи часто повторяла, что, если у Джекки есть набор инструментов, она может выполнить любой ремонт в доме.

Ну а теперь девушки, улыбаясь, смотрели друг на друга.

– Все лето! – воскликнула Ким. – Не могу поверить. Ты привезла с собой достаточно красок, бумаги и холстов?

– Надеюсь, что да. Но если они закончатся, куда придется ехать, чтобы пополнить запасы?

Ким приняла серьезный вид.

– Ну, сначала тебе придется лететь маленьким самолетиком местных авиалиний до большого аэропорта, потом...

– Ладно-ладно, я все поняла. У меня достаточно и красок, и бумаги, – рассмеялась Джекка.

Они были примерно одного роста, но темные волосы Джекки были короткими, а пышные каштановые волосы Ким падали ей на плечи роскошными волнами. Они обе были прелестны, но обладали разными характерами. Джекка выглядела всегда готовой рассмеяться, а Ким была более обстоятельной и даже солидной. Джекка притягивала к себе мужчин, а серьезность Ким зачастую их отпугивала. Предложи кто-то отправиться на полюс, Джекка бы немедленно согласилась, а Ким ответила: «Мне необходимо все рассчитать и убедиться, что я могу себе это позволить». Джекка обожала приключения, а Ким любила добиваться успеха.

– Есть хочешь? – спросила Ким.

– Умираю с голоду!

– Ничего не изменилось, – засмеялась Ким, все еще не веря, что любимая подруга действительно рядом, и направилась в сторону столовой.

– Не хочу уходить из оранжереи, – заявила Джекка, следуя за ней. – Не могу дождаться, когда буду здесь рисовать. Я освоила некоторые новые технические приемы передачи света в живописи и намерена как следует попрактиковаться. Кто создал это чудо?

– Тристан.

– Доктор, живущий в соседнем доме?

– Да.

Они вошли в большую светлую кухню. В ее центре обосновался тяжелый дубовый стол, который выглядел так, словно его поставили на это место в день завершения строительства дома. Стены были выложены белой плиткой. Самой новой была бытовая техника – ее приобрели не более сорока лет назад.

– Я переместилась назад во времени, – улыбнулась Джекка.

– Разве это не прекрасно?

– Безусловно, прекрасно. И сейчас горю желанием услышать обо всем, что происходило в твоей жизни в последнее время.

– Я тоже, – сказала Ким. Она открыла холодильник и достала пирог, оливки, салат, спаржу в винном соусе и несколько бутылок малиновой газировки.

– Здорово, – сказала Джекка. – Ты все это приготовила сама?

– Все это из местного магазина. И прежде чем задашь следующий вопрос, могу сообщить, что у нас еще и сыр продается.

– Вельвета?²

– Конечно, мы же южане.

Улыбнувшись, Джекка поставила на стол две тарелки.

– Мы можем поесть в оранжерее среди орхидей Триса, – сказала Ким, и Джекка с радостью схватила тарелки раньше, чем подруга успела договорить.

Ким достала поднос, сложила на него аппетитную еду, и они вернулись в оранжерею.

Утолив голод, Джекка задумчиво огляделась. Она заметила, как свет льется из окна и освещает причудливые экзотические цветы, и сразу начала прикидывать, какое сочетание красок передаст этот удивительный оттенок розовато-красного цвета.

– Вся моя квартира меньше, чем одна эта оранжерея, и совсем не такая красивая, – задумчиво пробормотала она.

– Муж миссис Уингейт построил оранжерею после смерти своего отца. Трис принес сюда все эти растения, и он же за ними ухаживает. Он проводил здесь много времени, когда я была еще ребенком. У Уингейтов не было детей, так что Трис и его сестра заполняли для них пустоту.

– Молодцы, – сказала Джекка с полным ртом. – Мне нравится эта еда.

² Сорт популярного плавленого сыра.

– Ты не ожидала такого в нашем отсталом, забытом богом Эдилине? – усмехнулась Ким.

– Не забывай, что я уже здесь бывала и знаю, что ваши люди любят вкусно поесть. – Она кивнула в сторону двери, ведущей в дом. – А кто еще здесь живет? Пожалуйста, скажи, что никто не станет стучать в мою дверь среди ночи, желая поболтать.

– Дело в том, – сказала Ким, – что я толком не знаю. Я уже сто лет здесь не была. Сейчас миссис Уингейт в своем магазине в городе, и она...

– Что она продает?

– Семейную одежду.

– Что это такое? Винтаж?

– Нет. Особым образом сшитые вещи. Ну, в общем, точно не знаю. – Она слегка понизила голос: – Есть еще женщина по имени Люси. Она живет напротив. Целыми днями шьет, а миссис Уингейт потом продает ее творения.

Джекка подалась вперед.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Люси настоящая затворница. Наверное, у нее агорафобия, но об этом никто не упоминает, по крайней мере в ее присутствии.

– Она боится выходить из дома? – спросила Джекка тоже шепотом.

– Мне так кажется. Последние две недели я часто заходила сюда, но ни разу ее не встретила. Думаю, она целыми днями сидит у себя.

Джекка откинулась на спинку стула.

– Меня это устраивает. Последнее, что мне сейчас нужно, это компания. Признаюсь честно, я сыта Андреа по горло.

– Если уж речь зашла о твоей начальнице, расскажи как проходит ее медовый месяц?

– Ты считаешь, она сообщила мне об этом? – удивилась Джекка. – Я вытащила ее галерею из долговой ямы и начала выставлять картины художников, которые действительно хорошо продаются, но это, оказывается, вовсе не повод для того, чтобы послать мне хотя бы открытку. Она может только задерживать меня в галерее до рассвета, рассказывая об очередном бросившем ухажере, но не более того.

– Она не может вообще закрыть галерею?

– Надеюсь, что нет, но ее отец поклялся, что, если она все же закроет галерею, он найдет мне другую работу.

– Возможно, мы сможем работать вместе? – с надеждой спросила Ким.

– Два художника в одном маленьком магазине? Вряд ли. Лучше расскажи о миссис Уингейт. Добрая старушка?

– Не такая уж она старушка. Полагаю, ей чуть больше пятидесяти. И она здорово обрабатывает в бизнесе. Дом необходимо содержать, и это весьма недешево. А все ее доходы – то, что дает магазин, и арендная плата. Но она как-то выкручивается.

– Ты говорила, она сдает три квартиры. Кто живет в третьей?

– Сейчас никого. Возможно, миссис Уингейт оставляет ее свободной для кого-то, но не знаю, для кого именно. Уверена, она тебе сама скажет, если спросишь. Надеюсь...

– На что ты надеешься?

– Надеюсь, здесь будет жить Рид, когда приедет.

– Так, так, так, – проговорила Джекка и положила в рот крупную оливку. – Может быть, ты еще о чем-то мне не рассказала?

Ким довольно ухмыльнулась.

– Я специально хранила эту тайну... целых двадцать четыре часа.

– Не могу поверить. Так долго? И все же не удержалась? Ну ладно. Но почему Рид собирается снимать квартиру в родном городе? Разве он не может жить в родительском доме? Нет, я, конечно, ничего не имею против такого соседа, но хотелось бы знать.

Они понимающе улыбнулись друг другу, пребывая в полном согласии, рожденном долгими годами разговоров до рассвета, рыданий из-за того, что все мужчины козлы, и хихиканья над очередными шалостями. Ким не однажды говорила, что хотела бы видеть Джекку своей невесткой.

За семь лет, прошедших после первого приезда Джекки в Эдилин, когда она из кожи вон лезла, чтобы привлечь внимание брата Ким, и не преуспела в этом, подруги часто говорили о нем. Ким всегда рассказывала новости, которые узнавала о Риде. Поэтому Джекка знала, что он получил медицинскую степень и, поскольку не имел семьи, стал ездить по всему миру. Он работал в организации «Врачи без границ», создавал клиники в самых удаленных, лишенных и намека на цивилизацию уголках Африки, всегда был там, где случались катастрофы. Ким говорила, что нет такой глуши, в которой не побывал ее брат, и нет такого вертолета, на котором он не летал. «Ему говорят “иди”, – вздыхала она, – и он отвечает “да”».

– Рид приезжает через две недели?

Джекка не сдержалась и радостно заулыбалась. У нее было несколько увлечений и один серьезный роман, но о Риде она никогда не забывала. Да и Ким постоянно напоминала о нем.

– Как тебе удалось это устроить? – спросила она.

– Мама сумела внушить ему чувство вины. Как-никак, он уже больше двух лет не был дома. Я только вчера узнала, что ей удалось его сломить. Он приезжает домой, чтобы помочь Трису.

– Снова Тристан, – сказала Джекка. – А почему этому доктору понадобилась помощь? Ким всплеснула руками.

– Это долгая история. Я же говорила, что в этом году у нас постоянно возникают проблемы.

– Всем известно, что в маленьком Эдилине, штат Виргиния, вдруг появилось много песчаных картин. Как ты думаешь, твоя подруга разрешит мне выставить их в галерее Андреа?

– Уверена, что да. Она продала лишь несколько. И с радостью покажет свои произведения.

– Сказка! – воскликнула Джекка. – Не дождусь, когда их увижу. Но какое все это имеет отношение к Риду?

– Тристан, наш кузен...

– Который живет в соседнем доме, выращивает орхидеи, работает врачом и которого ты упоминаешь в разговоре в каждой фразе...

– Да, это он. Впрочем, ты сама все поймешь, когда его увидишь. Он... Что тебе сказать? Он умеет производить впечатление. Сильное впечатление. Людям он нравится.

– Это хорошее качество для доктора. Так ты расскажешь мне о Риде или нет?

– Давай отнесем посуду в кухню.

Девушки стали складывать посуду на поднос. Они всегда занимались домашними делами вместе, и у них даже существовало своеобразное разделение труда.

Когда поднос был полон, Джекка отнесла его в кухню.

– Понимаешь, примерно месяц назад произошел крайне неприятный случай, – начала Ким, аккуратно складывая посуду в посудомоечную машину. Джекка в это время убрала оставшиеся оливки и пирог в холодильник. – Некто, впоследствии оказавшийся международным преступником, матерым вором, был пойман, пытаясь украсть что-то из дома Тристана.

– Что это могло быть? Золото? Бриллианты? Он так богат?

– Вовсе нет. У Триса очень много бесплатных пациентов. Как бы то ни было, во время стычки Трис получил удар по голове и скатился по крутому склону в овраг. Теперь у него сломана левая рука – она в гипсе и на перевязи. Как ты понимаешь, его трудоспособность ограничена, и его отцу пришлось приехать из Сарасоты, чтобы помочь. Когда здесь появится Рид, он возьмет на себя практику Триса до тех пор, пока мой бедный кузен не сможет вернуться к работе.

– Он очень добр. – Все, что Ким говорила о Риде Олдридже, Джекке нравилось.

– Они ведь не только кузены, но и большие друзья, и Трис будет помогать Риду. Кроме того, мой брат должен наконец выздороветь от тяжелой болезни, которая называется Лаура Чонли, и вернуться туда, где родился.

– Ты считаешь, что Рид может остаться в Эдилине насовсем?

– Я на это надеюсь! – с энтузиазмом воскликнула Ким. – Мы каждый раз боимся, что он может погибнуть при очередной попытке спасти человека или человечество. Помнишь...

– ...когда он спустился с вертолета на землю по тросу, чтобы добраться до больного ребенка? О да.

Ким улыбнулась, но в ее глазах блестели слезы.

– Ты даже не представляешь, как я рада, что ты здесь. Все мои подруги вышли замуж. А когда у тебя есть семья, интересы меняются. Теперь, если я предлагаю сходить куда-нибудь вечером выпить и потанцевать, на меня смотрят как на умалишенную. Их интересует только, какие подгузники лучше удерживают влагу.

Джекка порывисто обняла подругу.

– Да, я здесь и хочу говорить только об искусстве. Полагаю, ожерелье, которое на тебе, твое произведение?

Ким ухмыльнулась.

– Да. Ветви оливы. Тебе нравится?

– Очень.

– Думаю, надо достать из машины вещи и отнести в комнату. Послушай, Джекка...

– Да? – Джекка замерла, видя, что Ким собирается сказать что-то важное.

– Несколько недель назад мне пришла в голову идея. Вот только понравится ли она тебе... Знаю, что ты предпочитаешь сама решать, что рисовать, так что если скажешь «нет», я не обижусь.

– О чем речь?

– Я подумала, что если ты напишешь несколько акварелей... цветов – пусть это будут, скажем, орхидеи Триса, – то потом мы могли бы сфотографировать на их фоне мои ювелирные изделия. Понимаешь, я хочу провести большую рекламную кампанию, и мне кажется, что «изысканные авторские украшения на фоне акварелей Джекки Лейтон» привлекут больше внимания. Что ты об этом думаешь? Тебя это может заинтересовать?

Джекка в изумлении уставилась на подругу.

– Конечно! – воскликнула она. – Для меня твое предложение – большая честь. Сколько нужно рисунков? Когда?

Ким улыбнулась.

– Я очень надеялась, что тебе понравится моя идея. Полагаю, для начала ты можешь сделать шесть акварелей, соответствующих моим работам, а потом еще шесть, руководствуясь только своими желаниями, а я сделаю под них украшения. Ты согласна?

Джекка заулыбалась, причем ее улыбка шла от самого сердца. Вдохновение, думала она, основа творчества. Вдохновение стимулирует работу художника, писателя, строителя. Искусство – это то, что они видят, слышат, чувствуют. Драгоценности Ким подскажут ей идеи, а ее акварели помогут Ким создавать новое. Теперь Джекка почувствовала, как на глаза набегали слезы, а к горлу подступил ком.

– Мне нравится твоя идея, – с трудом выговорила она.

– Ладно, давай помогу распаковать вещи, а потом выпьем по «Маргарите» в саду.

– Чем же сейчас занимается знаменитый доктор Тристан?

– Только что закончил сооружение беседки.

– Он еще и столяр?

Ким засмеялась.

– Нет, у меня есть другой кузен, который выполняет работы по дереву. Но Трис сделал проект и руководил установкой.

Джекка открыла багажник машины. Он был весь забит коробками с рисовальными принадлежностями, деревянными ящиками с кистями и самыми ценными ее сокровищами – тюбиками с акварельной краской. Еще там были профессиональная камера в футляре и проектор для слайдов. Когда часть багажа была извлечена, на дне показалась плоская поверхность маленького чертежного столика, который Джекка сама сконструировала, а отец помог изготовить. Размеры в точности соответствовали размерам багажника машины, а ножки складывались.

– Ты привезла хоть какую-нибудь одежду? – спросила Ким.

– Да, она в салоне. Там тоже есть краски, а вниз я запихнула какие-то тряпки.

– Конечно, это же совершенно не важно, – фыркнула Ким.

Она подхватила несколько пакетов с непонятным содержимым, а Джекка – большую картонную коробку. Вернувшись в дом, они прошли по гигантской гостиной и поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь тоже было просторно. Темные деревянные полы частично закрывал изумительный ковер. Вдоль стены стояли небольшие столики с лампами. Повсюду царил атмосфера спокойной элегантности.

– Превосходно, – заметила Джекка и, услышав слева от себя посторонний звук, остановилась. – Что это за шум?

– Швейная машинка, – ответила Ким, кивнув на закрытую дверь по другую сторону коридора. Затем она открыла дверь, расположенную как раз напротив, и вошла. Джекка следовала за ней по пятам.

Они оказались в большой гостиной с восхитительным эркером. Из нее дверь вела в квадратную спальню с удобной кроватью, на которой лежало множество подушек.

Джекка подошла к окну, чтобы как следует рассмотреть парк. Всюду, насколько хватало глаз, тянулись ухоженные лужайки, аккуратно подрезанные деревья и подстриженные кусты. За беседкой, о которой говорила Ким, раскинулся розовый сад.

– Это место реально или оно мне снится? – спросила она.

– Парк сохраняется в первозданном виде с тех пор, как был разбит очень богатым человеком в 1926 году. Его единственный сын женился на миссис Уингейт.

– Кем она была до замужества?

– Понятия не имею.

– Значит, она не из Эдилина?

– Конечно, нет. Будь она из местных, я бы знала о ней все, – уверенно сказала Ким.

– И о ней, и о ее предках. – Джекка оглядела комнату. – Как ты думаешь, миссис Уингейт будет возражать, если я немного сдвину мебель и поставлю стол ближе к окну?

– Думаю, нет. Миссис Уингейт восхищается художниками, равно как и всеми людьми, способными творить. Она с благоговением относится ко всему, что Люси шьет для магазина.

– Но если Люси никогда не выходит из дома, как она достает все необходимое для работы?

Ким пожала плечами.

– Никогда не интересовалась. Если выяснишь, дай мне знать.

– Конечно. – Джекка открыла дверь ванной, которая оказалась чистой и просторной. Там были и унитаз со сливным бачком, снабженным металлической цепочкой, и большая ванна на гнутых ножках. Раковина стояла на своеобразном пьедестале и выглядела очень старой. Стены были выложены белой плиткой.

– Миссис Уингейт утверждает, что это была ванная хозяйина, – сказала Ким. – Думаю, старый мистер Уингейт здесь брился.

– Раковина достаточно большая, чтобы можно было мыть кисти, – заметила Джекка. Все остальное не имело для нее значения. – А где комнаты самой миссис Уингейт?

– Наверху. В ее распоряжении весь третий этаж. Я там никогда не была.

Подруги распаковали пакеты и чемоданы и разложили вещи по местам. Каждый предмет одежды, прежде чем занять место в шкафу, был рассмотрен самым тщательным образом. Ким интересовало, где Джекка купила вещи и как переделывала. Джекка любила покупать винтажную одежду и слегка ее перешивать. Она убирала кружева и оборки, добавляла кант на рукава и вносила некоторые другие небольшие, но заметные изменения, придававшие ее вещам неповторимый стиль и индивидуальность. Ей не нравилось видеть на других женщинах такую же одежду, какую носила сама.

Наконец очередь дошла до коробок с предметами для рисования. Ким знала, что там должны быть последние рисунки Джекки, и не ошиблась.

– В Нью-Йорке у меня нет возможности уделять много времени живописи, – вздохнула Джекка, показывая свои работы.

Ким рассматривала их глазами профессионала. Будучи истинным художником, она могла оценить их должным образом. Она отметила, что Джекка смело экспериментирует с цветом, научилась передавать игру света и схватывать мельчайшие детали изображаемого предмета.

– Прекрасно, – в конце концов заключила она. – Мне кажется, ты сделала большие успехи. Твои работы стали намного лучше. То есть я хотела сказать, что они всегда были прекрасными, но теперь...

– Я все понимаю, – перебила ее Джекка, и в ее глазах появилась печаль.

Так же как Ким и Софи, Джекка, окончив художественную школу, думала, что входит в мир, который станет платить за ее творчество.

Ким вернулась в Эдилин и несколько лет продавала свои работы только местным жителям. Ситуация изменилась, когда ее украшения были выставлены в магазине Вильямсбурга. Они быстро разошлись, стали поступать новые заказы. Пару лет назад Ким открыла розничный магазин в Эдилине и начала продавать свои изделия через Интернет. Теперь у нее было четыре сотрудницы и дела шли вполне успешно.

У Джекки все было не так гладко. В течение трех лет после окончания художественной школы она работала по вечерам официанткой, а днем ходила со своими работами по нью-йоркским галереям. Однако все усилия оказались напрасными. Никого ее акварели не интересовали.

– Слишком банально, – говорили ей. – Джорджия О'Киф против Гейнсборо. – Таков был самый неприятный вердикт. Его вынес владелец крупной нью-йоркской галереи – отвратительный тип.

Эти годы были самыми трудными в жизни Джекки, и Ким всеми силами старалась ее поддержать. Только художник мог понять, как сильно страдает Джекка. В своих картинах она изливала себя, свое видение мира, свою жизнь. Отвергая ее картины, галерейщики отвергали ее как творческую личность.

За это время Ким дважды летала в Нью-Йорк, чтобы побыть с Джеккой. Она жила в крошечной квартирке подруги и часами выслушивала рассказы о ее злоключениях. Однажды у Джекки была назначена вечерняя встреча в одной из галерей, и Ким вышла вместо нее

на работу в ресторане. Джекка не сумела убедить галерейщика купить ее работы, зато Ким, подавая клиентам ужин, продала ожерелье, серьги и два кольца собственной работы, которые были на ней. Впоследствии понадобилось два часа и четыре «Маргариты», чтобы Джекка сумела посмеяться над собственными проблемами. Теперь это было их любимое общее воспоминание.

Галерея Андреа Малькольм открылась за полгода до того, как туда пришла Джекка. Заносчивый маленький человечек, управлявший галереей, заставил ее прождать полтора часа, прежде чем соизволил взглянуть на ее акварели.

Ожидая, она спокойно сидела на стуле у стены и наблюдала за происходящим. За это время в галерею приходили разные художники. Два новичка, принесшие свои работы, прежде всего вручили надменному галерейщику по стодолларовой купюре. А когда другой художник пришел получить деньги за проданные работы, оказалось, что управляющий берет огромные комиссионные – сорок пять процентов!

Все это Джекка видела, но промолчала. Ее картины должны попасть туда, где их увидят люди. Если для этого ей придется расстаться с некоторой частью своей наличности – что ж, она готова.

Когда управляющий наконец обратил на нее внимание, его вердикт не оставил никаких надежд.

– Техника вполне приличная, – брезгливо заметил он, – но таланта у вас нет и в помине. – И он так небрежно бросил последнюю акварель на стол, что та соскользнула и упала на пол.

Джекка устала, была голодна и измучена долгой ходьбой, поскольку за этот день прошла не меньше пятидесяти кварталов. Она уже собралась сказать мерзкому человечку все, что о нем думает, когда, подняв взгляд, увидела приоткрытую дверь, ведущую в офис. Там за столом сидела молодая женщина, одежда которой была дороже, чем здание, в котором находилась квартира Джекки. И она сразу поняла, что происходит. Скучающая богачка открыла галерею. Так она могла делать вид, что занимается бизнесом, и производить впечатление на друзей. Но она не имела никакого представления о том, как управлять галереей, и поручила это человеку, который утверждал, что это знает.

Джекка, не говоря ни слова, схватила папку со своими работами, открыла дверь в офис и вошла. Мерзкий человечек бросился за ней, но она прислонилась спиной к двери, не позволяя ее открыть.

– Этот маленький идиот безбожно вас обкрадывает, – выпалила она.

Владелица галереи нисколько не возмущалась. Она спокойно взглянула на Джекку, потом на дверь, в которую барабанил человечек, и ответила:

– Я знаю. Как только найду другого управляющего, этот будет уволен. А сейчас у меня нет времени. – Она встала и взяла сумочку стоимостью несколько тысяч долларов.

Джекка почувствовала себя круглой идиоткой. Надо же – сунула нос не в свое дело.

– Любой дилетант был бы лучше, чем этот ворюга, – пробормотала она.

Женщина с любопытством оглядела ее с ног до головы.

– А ты сумеешь управлять художественной галереей?

Джекка не восприняла вопрос всерьез.

– Легко, – не задумываясь, ответила она.

– Тогда место твое. – Женщина кивнула на дверь, и Джекка отступила.

В офис ворвался мерзкий человечек. Его круглая физиономия была багровой от гнева.

– Эта... эта дрянь едва не сбила меня с ног. Я не успел ее остановить, Андреа. Извините. Я немедленно вызову полицию.

– Вызывай. Я покажу полицейским расчетные книги. Ты уволен, Финч. Можешь идти домой. – Андреа повернулась к Джекке: – Место твое. Можешь приступить к работе. А теперь оба уйдите с дороги.

Она прошла мимо них и покинула галерею.

Последовала короткая, но бурная перепалка, но в конце концов разгневанный управляющий швырнул на стол ключи и вышел, хлопнув дверью. И Джекка поняла, что неожиданно получила новую работу – у нее теперь есть настоящая галерея, которой необходимо управлять, а она понятия не имеет, как это делать. Но все-таки она, можно сказать, выросла в семейном магазине, а торговля есть торговля, и не важно, чем торговать – скобяными товарами или произведениями искусства.

В галерею зашли покупатели, и Джекка так хорошо рассказала о висящих на стенах картинах, что продала сразу две. Но свои акварели она продать так и не сумела.

– Очень мило, – сказал один из покупателей. – Моей бабушке ваши картинки, без-условно, понравятся. – Это был самый благожелательный отзыв о ее работах, который услышала Джекка.

Она ждала до ночи, надеясь, что Андреа вернется и расскажет ей о зарплате и комиссионных, но та не появилась.

Опасаясь, что все это обернется шуткой, Джекка не бросила свою работу официантки и два дня подряд, усталая и не выспавшаяся, открывала галерею ровно в десять часов утра. Лишь на третий день в галерею появился мистер Босуэлл. Джекка едва не проворонила его приход, поскольку задремала, положив голову на стол. Это был один из адвокатов отца Андреа. Ему, как он сказал, крупно не повезло, поскольку он занимается делами Андреа.

– Я присматриваю за тем, что она делает с деньгами своего отца, но, увы, не могу ее контролировать.

Джекка и мистер Босуэлл поладили очень быстро. Она показала, как переставила мебель и перевесила картины, продемонстрировала сделанные ею наброски – как, по ее мнению, должна выглядеть галерея, предъявила выручку за проданные полотна. Мистер Босуэлл сказал:

– Я считаю, что, наняв вас, Андреа наконец сделала что-то правильное. И не важно, что это получилось у нее случайно.

Они вместе составили контракт, в котором предусматривались все организационные вопросы, начиная с зарплаты и кончая числом собственных работ, которые Джекка могла выставлять в галерею.

Однако несмотря на то, что теперь ее акварели висели в галерею, расположенной на очень бойком месте – здесь всегда было много народу, да и богатые друзья Андреа частенько туда заходили, – Джекке удалось продать только восемь своих работ. Неспособность добиться благосостояния за счет своего творчества несказанно ее огорчала.

Ким увидела грусть в глазах подруги и жизнерадостно заявила:

– По-моему, сейчас самое время для «Маргариты».

– Хорошая идея, – улыбнулась Джекка, и они пошли в сад.

Глава 3

Джекка, растянувшись в шезлонге, любовалась розами в саду. Здесь было очень красиво, и она была рада, что Ким нашла для нее эту квартиру. Она немного нервничала из-за двух женщин, живших в доме, потому что еще не познакомилась с ними, но во всем остальном чувствовала себя прекрасно.

Ким ушла примерно час назад, чтобы проверить дела в магазине, и уделить время младшей сестре. Она сказала Джекке, что еды в холодильнике вполне хватит, а завтра они пойдут в город.

– Мне не терпится увидеть твою новую студию, – улыбнулась Джекка. Ким недавно купила дом, который подруга еще не видела.

– Это всего лишь перестроенный гараж... – начала было Ким, но Джекка ее остановила.

По ее мнению, Ким не должна была пренебрежительно говорить о своих достижениях только потому, что жизнь Джекки идет совсем не так, как она планировала.

Ким улыбнулась.

– Я с радостью покажу тебе свою мастерскую и магазин – недавно я там кое-что переделала. И хочу услышать твое мнение относительно оформления витрин и будущей работы.

– Не думаю, что я... – Джекка замолчала, не договорив фразы. – Ладно, проехали. Я все равно художница, даже если мои картины не продаются.

– Я бы сказала, что у тебя душа истинного художника, но ты будешь смеяться.

– Буду, – не стала спорить Джекка. – Лучше иди, а то опоздаешь.

Ким встала и взяла пустые стаканы из-под коктейлей.

– Я думала, что миссис Уингейт к этому времени уже вернется. – Она взглянула на единственное освещенное окно наверху. – Если дома только Люси, ты практически одна.

– Со мной все будет в порядке, – сказала Джекка. – Я хочу спокойно посидеть здесь, любуясь изумительными цветами и вдыхая их аромат. Мне же надо написать двенадцать полотен для твоих ювелирных изделий. А поскольку половина из них должна вдохновить тебя на создание чего-то особенного, мне надо подумать.

Ким чмокнула подругу в щеку.

– Увидимся утром.

Джекка кивнула и откинулась на спинку шезлонга. Она подвинула его так, чтобы лучше видеть пруд. Днем здесь много солнца, но вечером стало прохладно, и она порадовалась, что захватила с собой кардиган.

Зевнув, Джекка задумалась. День за рулем оказался очень долгим. Она выехала накануне поздно вечером, потому что следовало сделать тысячу дел перед закрытием галереи на лето, а главное, успокоить недовольных художников.

– Мои работы здесь хорошо продаются, – слышала она снова и снова. – Почему Андреа не может оставить галерею открытой? Пусть едет, куда ей надо. Все равно она ничего в галерее не делает.

С этим Джекка была полностью согласна, но приходилось улыбаться и объяснять, что Андреа делает больше, чем кажется, просто она трудится не на виду.

В общем, вся неделя перед отъездом получилась суматошной. И теперь в темноте и тишине, нарушаемой только кваканьем лягушек в пруду, ее неудержимо потянуло в сон. Джекка закрыла глаза и стала думать о Риде, спускающемся по канату из зависшего над землей вертолета.

Она проснулась, когда на нее упало что-то большое и тяжелое. Сообразив, что это человек, она вскрикнула и начала отбиваться. Было очень темно – ни луны в небе, ни уличных фонарей, – и она не видела, кто на нее свалился.

– Извините, – пробормотал мужской голос. – Я не хотел вас пугать и тем более не собирался на вас падать. Просто ваш шезлонг стоит на дороге, и я его не видел.

Джекка уперлась руками ему в плечи... впрочем, это могли быть и не плечи. Его физиономия явно была рядом с ее лицом – она чувствовала его дыхание и тонкий аромат туалетной воды. Довольно приятный, следует признать. Но все равно ей хотелось освободиться от навалившейся сверху тяжести, и она постаралась оттолкнуть незнакомца.

– Пожалуйста, не толкайтесь, – попросил он, и по голосу Джекка поняла, что незнакомец испытывает боль. – Не хочу жаловаться, но у меня сломана рука, и перевязь зацепилась за ваш шезлонг. Я не могу подняться, пока не освобожу ее.

Услышав это, Джекка поняла, что на нее наткнулся Тристан, кузен Ким, доктор, живущий в соседнем доме, и перестала его отталкивать.

Она чувствовала на себе его тело, ну, или по крайней мере часть его. Мужчина был явно высок, имел широкие плечи, плоский живот и тренированные грудные мышцы. Все это ей понравилось.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнул он, однако, начав вставать, сразу споткнулся.

Джекка поймала его за руку и помогла восстановить равновесие.

– Сядьте, – сказала она, спустила ноги на землю, подвинулась и потянула Тристана к себе.

Было очень темно, и она ничего не видела, но по прерывистому дыханию мужчины поняла, что ему по-прежнему больно.

– Если вы не возражаете, – пробормотал он и тяжело опустился рядом.

Мужчина несколько раз вздохнул. Джекка сидела очень близко к нему и почувствовала его дрожь.

– Полагаю, вы доктор Олдридж?

Он еще раз вздохнул, прежде чем ответить.

– А вы, должно быть, Джекка. Мы уже встречались. – Он решил отбросить церемонии. – Пожалуйста, называй меня Трис. Мы уже несколько недель слышим только о твоём приезде. Мы... – Он запнулся и снова тяжело задышал.

– Совершенно верно. – Джекка встала. – Ты ушибся. Надо кого-нибудь позвать на помощь. Кажется, Ким говорила, что твой отец сейчас в городе?

Тристан подался к ней, нащупал ее руку и крепко сжал.

– Пожалуйста, не надо никого звать и уж тем более моего отца. Он скажет, чтобы я пил болеутоляющее и больше отдыхал. Но если я стану отдыхать еще больше, то просто сойду с ума.

Темнота была такой, что Джекка не видела даже силуэта сидящего рядом мужчины, но она хорошо понимала, что он имеет в виду.

– Думаю, ты шел домой. Похоже, я поставила шезлонг на дороге.

– Да, но все это пустяки. – Он так и не выпустил ее руку.

– Хочешь, я провожу тебя? Сейчас, я только зайду в дом и попытаюсь найти фонарь.

– Никогда не пользовался фонарем.

– Даже в такой темноте? – Джекка знала, что должна высвободить руку, но медлила. Ею владело какое-то очень приятное, пожалуй, даже интимное чувство. Ей нравилось находиться рядом с этим незнакомцем в полной, абсолютной темноте. Его голос был глубоким и более чарующим, чем лунный свет.

– Когда мне было два года, я пошел сюда через лес. И очень обрадовался, когда увидел этот дом, потому что всегда любил мисс Ливи. Но мои родители очень беспокоились,

они решили, что я утонул в озере. Обнаружив меня живым и невредимым, они некоторое время делали все, что могли, чтобы не пускать меня сюда, но я всегда находил способ обойти запреты. В конце концов отец сдался, взял бензопилу и проложил для меня тропинку.

– И ты ходишь здесь с двух лет?

– Да. – Тристан все еще держал ее за руку. – У тебя руки художника.

Джекка решительно высвободилась и встала. Его тон был уж слишком дружелюбным.

– Думаю, я должна позвать миссис Уингейт или еще кого-нибудь.

– Не надо! – воскликнул Тристан. – Я просто хочу спокойно посидеть, пока не уймется дрожь. Если пообещаю держать руки при себе, ты останешься со мной? Мы могли бы просто поговорить.

Джекка понимала, что должна сказать «нет», но не смогла заставить себя поступить так жестоко. Да и короткий сон восстановил ее силы, так что совершенно не хотелось идти в дом и укладываться в постель. К тому же она сомневалась, что сумеет отыскать свою комнату.

– Я найду стул, – сказала она. – Если смогу, конечно.

– А я скажу, куда идти.

– Хорошо. Сейчас я стою слева от шезлонга.

– Я протянул в твою сторону руку. Иди на мой голос, пока не почувствуешь мою руку.

– Тебе, похоже, нравится держать девушек за руки.

– Симпатичных девушек я люблю держать не только за руки.

– Тогда тебе со мной не повезло. Я страшна, как война. – Джекка осторожно пошла вперед и почти сразу почувствовала руку Триса.

– Теперь повернись ко мне спиной и иди вперед примерно десять шагов.

– Какой длины должен быть шаг?

– Нормальной. Не старайся шагать слишком широко, иначе врежешься в старую деревянную скамью.

Она сделала десять шагов, пошарила руками в темноте, но ничего не обнаружила.

– Здесь нет никаких стульев.

– Конечно. Теперь сделай три шага направо, а потом четыре вперед. Только медленно.

Джекка в точности выполнила его указания, и ее рука легла на спинку стула.

– Нашла! – воскликнула она.

– Прекрасно. Теперь возвращайся и садись рядом.

Уже через минуту она с размаху наткнулась на шезлонг.

Тристан застонал. Джекка извинилась, поставила стул и села.

Несколько мгновений они молчали.

– Можно спросить? – нерешительно сказал Трис.

– О чем?

– Ты – девушка в красном бикини, не так ли? Я не перепутал?

Джекка не смогла сдержать смех. Она точно знала, о чем он говорит. Учась в колледже, Ким, Софи и Джекка как-то поехали на пляж и по очереди фотографировали друг друга. Там из песка выступал огромный камень, и на одной фотографии Джекка прислонилась к нему, а Софи растянулась на вершине. Джекка была в красном купальнике, а подруга – в синем.

– Вынуждена тебя огорчить: я – та, что костлявая. Та, что с великолепными формами, это Софи.

– Хорошо, – сказал Трис, и Джекка почувствовала, что он улыбается. – Вы обе выставили напоказ достаточно много себя.

– Ты на самом деле доктор? Я не ошиблась? Неужели ты говоришь подобные вещи своим пациенткам?

– Конечно, нет. В кабинете я только профессионал. Честно признаюсь, я и вне кабинета не заигрываю с пациентками.

– Приятно слышать.

– Джекка, расскажи о себе.

– Нечего рассказывать. Я выросла в Нью-Джерси. Мама умерла, когда мне было четыре года, так что меня воспитывал отец. Мой старший брат любит говорить, что во всем ему помогал, но это неправда. Кажется, Ким упоминала, что у тебя есть сестра?

– Эддисон. Эдди. Ее муж только что вернулся из Ирака. И у меня есть восьмилетняя племянница, которую я обожаю.

Джекка тщетно старалась рассмотреть своего собеседника. Она не помнила, что именно Ким рассказывала об этом кузене. Слишком уж много было этих самых кузенов. Один – юрист, другой – писатель, третий – шериф. Еще, кажется, был спортсмен... и кто-то еще. Список кузенов Ким был бесконечным! И хотя и Трис, и Ким утверждали, что Джекка с ним знакома, она его совершенно не помнила.

– Ладно, мы поведали друг другу о положительных моментах. А что плохого есть в твоей жизни? – спросил Тристан.

– Боюсь, я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы говорить об этом.

– Но это же здорово! Представь: два незнакомых человека сидят рядом в полной темноте. Они никогда больше не встретятся, так что могут рассказать друг другу все, что угодно.

– Мы обязательно еще встретимся, – сообщила Джекка. – И не единожды. Я буду жить в соседнем доме три месяца.

– Что такое три месяца по сравнению с человеческой жизнью? Ерунда!

Трис, конечно, шутил, но в его голосе слышались и серь езные нотки. Джекке вспомнился рассказ Ким о том, как ее кузен сломал руку. Его ударили по голове. Сбросили в овраг. Грабителю нужно было что-то, имеющееся у Триса. Все это не могло не сказаться на его самочувствии и поведении.

Когда мужчина свалился на нее, споткнувшись о шезлонг, который она поставила на дороге, он явно испытал сильную боль, но вел себя так, словно ничего не произошло. Если он так умело скрыл боль, возможно, он скрывает от жителей Эдилина свои истинные чувства? Джекка знала, что сама изо всех сил старалась скрывать плохие новости от отца. Были времена, когда ей не хотелось никого видеть, но она всегда старалась быть веселой в присутствии отца.

– Должно быть, трудно жить в городе, где полно родственников. Можно сказать, весь город – одна большая семья, – негромко сказала она. – С кем ты можешь поговорить, когда попадаешь в трудную ситуацию?

Тристан долго молчал, и Джекка решила, что он вовсе не собирается отвечать. Но когда он наконец заговорил, его голос был спокоен и бесстрастен.

– Несколько месяцев назад в Эдилин приехала молодая женщина. Она искала работу. Я почти влюбился в нее. Недавно она вышла замуж за моего лучшего друга.

– Это произошло в то же время, когда ты сломал руку?

– Да. – Он тяжело вздохнул. – Теперь она ждет ребенка. Второй триместр беременности.

– Очень быстро. Подожди, но если дело зашло так далеко, возможно, она вышла замуж, потому что у нее не было другого выхода?

– Жаль, – усмехнулся Трис, – но это не так. Просто она всегда видела во мне только друга.

– Это больно, – сказала Джекка. Она не собиралась развивать свою мысль, поскольку брат Ким был другом Триса, но она чувствовала то же самое, когда Рид ее проигнорировал. – Кстати, я давно хотела узнать, что случилось с Лаурой Чонли? Она живет здесь?

– Да. Она вышла замуж за пастора, и у них крепкие здоровые ребятки. Я боялся, что у мальчика порок сердца, но тревога оказалась ложной.

Джекка рассмеялась.

– Ты настоящий доктор.

– Только не сейчас. – Тристан досадливо поморщился. – Пока эта проклятая рука не срастется, я никто.

– Мне хорошо знакомо это чувство.

– Тебе? Откуда? Ким тобой восхищается. Когда она училась в колледже, все ее письма были только о тебе и о девушке в синем бикини. Как ее, кстати, зовут?

– Софи. Думаю, – усмехнулась Джекка, – Ким прислала тебе не только ту фотографию, на которой мы в купальниках.

– Она прислала мне множество фотографий, но эта лучше всех. Я храню ее за зеркалом в своей спальне.

– Вместе с фотками других девушек?

– Нет, эта единственная.

– Да, Софи – красивая девушка.

– Я отогнул ее.

– Что? – не поняла Джекка.

– Я согнул фотографию так, чтобы на ней была только ты. Софи не в моем вкусе.

– О! – воскликнула Джекка. – Не думаю, что мою фотку когда-нибудь раньше прикалывали на стену. Жаль, что Ким не прислала мне твою.

– Я и не прикалывал. Я хранил ее за зеркалом. Что касается моей фотографии, я имею обыкновение ронять фотоаппараты.

– Припоминаю, Ким неоднократно говорила, что все ее кузены – сногшибательные красавцы. Рид, во всяком случае, очень красив. Или был таким семь лет назад. С тех пор я его не видела.

Тристан довольно улыбнулся. Судя по всему, Ким ошиблась, и слава Богу. Не похоже, чтобы Джекка и Рид были друг к другу привязаны.

– Теперь ты заставила меня ревновать, – сообщил он. – Ведь Рид на днях будет здесь.

– Ким говорила.

Трис громко застонал.

– Только не говори, что я проиграл даже раньше, чем получил шанс!

– Будь ты женщиной, я бы назвала тебя кокеткой. А применительно к мужчине мне что-то не приходит на ум подходящее слово, ведь ты кажешься почти серьезным.

– Если я действительно хорош во флирте, то, поверь, не благодаря обширной практике. С большинством жителей этого города я связан родственными узами, к тому же я их всех лечу. Это лишает меня возможности выбора подходящей кандидатуры для ухаживаний.

– Знаешь, – сказала Джекка, – я тебя не вижу и, честно говоря, не помню, как ты выглядишь, хотя Ким мне все уши прожужжала рассказами о тебе. Тем не менее я инстинктивно чувствую, что у тебя не должно быть проблем с женщинами.

– Год назад я бы сказал, что ты права. Но я потерял ту, которая могла претворить мои мечты в жизнь.

– А чего же ты хочешь? – тихо спросила Джекка.

Трис помедлил, словно тщательно обдумывал слова.

– Я старомоден. Хочу иметь семью – жену и детей. Я устал делать прививки чужим ребятишкам. Хочу, чтобы в моем доме звучали детские голоса, чтобы, когда я возвращаюсь домой, меня встречала любимая женщина.

Джекка засмеялась.

– А как начет ее желаний?

Даже не видя его лица, она почувствовала, как Трис поморщился.

– Думаю, ты меня поняла.

– Да, – задумчиво сказала она, подавив тяжелый вздох. Придется держаться подальше от этого привлекательного мужчины. Ни за что на свете ей нельзя с ним связываться. Оказаться привязанной к крошечному Эдилину, лишившись всяких надежд на карьеру художницы? Ничего страшнее она не могла себе представить.

Между тем проигнорировать этого человека она тоже не могла. Только сегодня Ким сказала, что Тристан умеет производить сильное впечатление. И теперь, сидя рядом с ним в темноте, она поняла, что Ким имела в виду. Она чувствовала этого мужчину, словно от него исходил некий магнетизм.

Будь она другой женщиной и происходи все это в другом месте, она могла бы представить как ложится рядом с ним на траву. Разыгравшееся воображение рисовало, как они целуются, срывают друг с друга одежду, занимаются любовью. Мысль о сексе с мужчиной, которого никогда не видела, приятно возбуждала, щекотала нервы.

От мечтаний пришлось отвлечься, когда Джекка почувствовала, как на ее колено легла его рука. Она положила свою ладонь на эту сильную мужскую руку и негромко проговорила:

– Тристан...

– Что?

– Я не знаю тебя и не вижу, но, судя по голосу, ты пребываешь в смятении, физическом и эмоциональном.

– Это правда, – проговорил он едва слышно.

Она отпустила его руку.

– Должна сразу предупредить, что я не та женщина, которую ты ищешь. Я мечтаю о карьере и не готова вить гнездо. Через три месяца я уеду отсюда и даже не оглянусь. Прежде чем брать на себя ответственность за детей, я должна найти себя. – Джекка замолчала, ожидая реакции.

– Что ж, я предупрежден, – сказал он. – Спасибо за честность. Но не волнуйся за меня. Все в порядке. Думаю, сейчас любовная история была бы мне не под силу.

– Пока что тебе надо думать о здоровье, – промолвила она, – а дальше видно будет. Сколько времени?

– Не знаю. Но больше десяти.

Джекка встала.

– Иди домой и поспи.

– Ты сможешь мне встать?

Джекка отлично знала, что он вполне может встать сам, но молча подалась вперед. Их руки встретились.

Трис встал и на мгновение прижался к ней всем телом, но так быстро отстранился, что она решила: ей померещилось.

– Спасибо тебе. Я никому не рассказывал о том, что случилось.

Она поняла: Тристан имел в виду, что никому не рассказывал о женщине, в которую почти влюбился. Его признание состояло всего из нескольких фраз. Если бы речь шла о ее любовной истории, разговоры с Ким длились бы много часов. Но, возможно, ему просто требовалось произнести сокровенные слова вслух, и это принесло долгожданное облегчение.

Он все еще держал Джекку за руку и нежно водил пальцем по ее ладони.

– Ты никому не расскажешь о моих откровениях? – спросил он. – Не хочу, чтобы люди болтали. Моему другу и его молодой жене это будет неприятно.

Джекка не хотела хранить секреты от Ким, но... эту встречу в темноте вообще трудно будет объяснить.

– Я никому не скажу, – вздохнула она. – Обещаю.

– Мы еще встретимся? – спросил Трис, сжав ее руку.

Джекка не могла не засмеяться.

– Ты как любовник леди Чаттерлей.

– Иными словами, ты леди, а я плебей? Тебя такое положение больше всего устраивает?

Он проговорил это таким тоном, словно Джекка нагло заявляла о своем праве занимать место в высшем классе. Она снова засмеялась.

– Мне нравится эта идея.

– А мне больше по вкусу история о Купидоне и Психее, паре, которая...

Джекка хорошо знала их историю. Ей она тоже нравилась.

– Купидон – сын богини любви, а Психея...

– Психея – красивая молодая женщина. Он влюбился в нее в тот самый миг, когда впервые увидел, – сказал Трис.

– Полагаю, он ранил себя собственной стрелой. Но разве он не был тоже очень красивым юношей?

– Был. Я так думаю. Пошел в свою мать, – сказал Трис и притянул Джекку чуть ближе к себе. – Слишком много женщин влюблялось в него из-за красоты, а он хотел, чтобы любили не только его божественно красивые черты...

– Он женился на Психее, но не позволил ей увидеть его...

– И ночью... – продолжил Трис.

– Он проник в ее спальню и занялся с ней божественной любовью, – сказала Джекка.

Трис еще ближе привлек ее к себе.

– Интересно, какой была эта любовь? – прошептал он. – Ночь горячих объятий, потных тел и смятых простыней, или розы и ласки, а не настоящий секс?

– Не знаю, – прошептала зачарованная Джекка. Его лицо было совсем рядом. Она не могла его видеть, но чувствовала теплое дыхание на своей щеке. – По-моему, оба варианта хороши.

Тристан коснулся рукой волос Джекки.

– У меня есть два слепых пациента. Так вот, они утверждают, что осязание заменяет им зрение. Мне очень хочется в этом убедиться. Ты не возражаешь? – Кончики пальцев скользнули по ее шее.

Джекка кивнула. Она была рада темноте, поскольку он не видел, как она закрыла глаза, отдавшись мимолетной ласке. В последнее время она очень много работала и давно не ходила на свидания, а в постель с мужчиной не ложилась и того дольше.

Она не возражала, когда Трис легко коснулся ее шеи, уха, щеки.

– Психея была смертной женщиной, а значит, чрезмерно любопытной, – хрипло проговорил Трис. – Она хотела увидеть своего мужа, желала знать, не уродлив ли он. – Теперь его рука лежала на ее щеке, а большим пальцем он гладил ее подбородок.

– Она взяла масляную лампу, – прошептала Джекка, – и подошла к постели, в которой он спал. Когда Психея увидела мужа...

– ...То была потрясена его красотой, лампа дрогнула в руке, несколько капель масла упали на его плечо и обожгли.

Джекка понимала, что должна прекратить все это, иначе Трис уже через несколько минут избавит ее от одежды и овладеет ею, а она не сможет сопротивляться. Поэтому поспешно отступила.

– Капель было шесть, поэтому у нас шесть зимних месяцев и шесть летних.

Тристан рассмеялся. Его смех был удивительно приятным.

– А мне казалось, что речь шла о зернышках граната. Или это уже другая история? Кстати, Психея дала свое имя не в меру любопытным людям – психиатрам.

– Кто бы говорил, – усмехнулась Джекка.

– В любопытстве есть свои положительные стороны, – сообщил Тристан. – Ты согласишься встретиться со мной здесь завтра в девять? Мы сможем еще поговорить.

Джекка ощутила приятное возбуждение. В их встрече было что-то очень сексуальное. Она разговаривала с женщиной, которого не знала и не видела, но чувствовала его дыхание, прикосновение руки, слышала чувственный голос. Это нравилось ей как женщине и вдохновляло как художника. Повинуясь импульсу, она шагнула к мужчине. Мгновение спустя ее руки уже лежали на его плечах. Он был выше, чем ей показалось сначала.

– Психее следовало бы попытаться на ощупь определить, как выглядит ее любовник. Она...

– Муж, – поправил Трис Джекку, чувствуя, как тонкие руки запутались в его волосах. – Они были женаты, помнишь?

– Ах да. – У невидимого мужчины были роскошные волосы, густые и мягкие. – Они светлые или темные?

– Какие тебе нравятся? Можешь выбирать.

Его волосы падали на шею тугими завитками. Если бы она их рисовала, то сделала бы темными.

– Черные как ночь, – вынесла вердикт Джекка.

Тристан не ответил, но она почувствовала, что он улыбается.

Его уши были не большими и не маленькими – как раз в меру – и плотно прижатыми к голове.

– Хорошо, – пробормотала она, чувствуя себя ученым, который исследует незнакомый предмет. – Никаких лопухов.

Джекка почувствовала, что улыбка Триса стала шире, хотя он не проронил ни звука. Она провела пальцами по его голове.

– Залысин тоже нет. Значит, ты моложе, чем я думала.

– Это может быть наследственным признаком. Мой отец...

– Ш-ш-ш. Теперь я произвожу осмотр. Ты больше не доктор, ты пациент.

– Может быть, мне покашлять? – поинтересовался Трис.

Джекка едва сдержала смех.

– Вообще-то здесь должна присутствовать медсестра, чтобы защитить мое целомудрие.

– Секс втроем?

– Ш-ш-ш, – снова повторила она, приступив к исследованию глаз. Он не закрыл их, пока кончики пальцев не коснулись век. – Так, брови не слишком кустистые. Это хорошо. А вот ресницы слишком длинные.

– Проклятое наследие по отцовской линии. Ресницы моей племянницы больше похожи на перья.

– Ей, должно быть, неудобно, – сказала Джекка и провела пальцем по носу. Он оказался длинным и прямым, без горбинки. – Нос в порядке.

– Я чувствую запах твоих духов.

– Но я не пользовалась... – Она помедлила. – Обычно я предпочитаю желтый кадмий.

– А мне больше нравится берлинская лазурь, особенно в такие ночи.

Тристан замолчал, когда ее пальцы добрались до губ. Она почувствовала короткую щетину на щеках и подбородке мужчины. Должно быть, он брился еще утром, так что волоски были мягкими. Джекке захотелось прижаться к ним губами, потрогать кончиком языка.

– Джекка... – прошептал он.

Она выпрямилась.

– Ничего не говори. Я – Психее и хочу понять, как ты выглядишь. – Джекка провела указательным пальцем по его губам. Они оказались полными и мягкими.

– Психее желала, чтобы ее муж занялся с ней любовью, – прошептал он.

Она почувствовала, что его дыхание слегка участилось. Трис наклонился к ней, желая поцеловать, – Джекка тоже этого хотела.

Но тут в большом доме зажегся свет, и Джекка оглянулась, чтобы взглянуть на освещенные окна.

– Проклятие! – пробормотал Трис и отстранился от нее.

Когда Джекка снова повернула голову к своему невидимому собеседнику, его уже не было рядом. Можно было подумать, что все происшедшее ей приснилось.

Но потом до нее из темноты донесся голос Триса.

– Психея! – позвал он.

– Что, Купидон? – улыбаясь, спросила Джекка.

– Завтра в девять.

– В девять! – эхом повторила она, прислушиваясь к звуку шагов, удаляющихся по лесной тропинке.

С сожалением вздохнув – ей не хотелось, чтобы приятно возбуждающее свидание в темноте закончилось так быстро, – она направилась к дому.

По дороге домой Тристан все время улыбался. Сегодня ночью эта девушка была не менее привлекательна, чем при первой их встрече. Ему понравилось разговаривать с ней и флиртовать. Она не прикидывалась скромницей, не хихикала и не суежилась. Поскольку многие женщины видели в нем только неженатого доктора, а значит, объект для разработки хитроумных матримониальных планов, ему захотелось проверить Джекку. Поэтому он с самого начала сказал, что хочет обзавестись женой и детишками. Трис по опыту знал, что практически любая женщина отреагировала бы на это однозначно – с энтузиазмом заявила, что большая семья – ее сокровенная мечта, даже если мысли о детях приводили ее в ужас.

Но не Джекка! Она честно ответила, что не останется в Эдилине, не собирается выходить замуж и хочет добиться известности, больше чем заполучить мужчину.

Он не мог не восхищаться ее честностью, но вместе с тем почувствовал себя слегка задетым.

Сегодня он впервые ощутил, как в душе шевельнулось нечто доселе неведомое. Ему понравилась Джекка. Трис намеренно употребил это чинное старомодное слово – «понравилась». Оно казалось на удивление подходящим. Если, конечно, забыть, что, когда она касалась его лица, больше всего на свете ему хотелось опрокинуть Джекку на землю и заняться с ней любовью. Ему понравилось смеяться с ней, говорить о греческом мифе.

Войдя в дом, он растянулся на кровати и стал перебирать в памяти события вечера. Только теперь ему показалось удивительным спокойствие Джекки, когда он свалился на нее в темноте. Другая женщина в подобной ситуации устроила бы истерику, но Джекка сразу поняла, кто он, и даже припомнила, что его отец был городским врачом.

Трис все еще не верил, что рассказал ей о Джемме. Он ни одной живой душе не говорил о своих чувствах к молодой женщине, недавно приехавшей в Эдилин. Лишь однажды, сильно разозлившись, он едва не проговорился Колину, за которого она вышла замуж, о своих чувствах к Джемме. Но в дальнейшем всегда удавалось держать себя в руках и хранить тайну. Джемма чувствовала себя свободно в его доме, с ней было приятно поговорить. Тристан рассказывал ей то, что не открывал никогда и никому.

После того как она вышла замуж за его приятеля, Трис часто думал: а что было бы, если бы он последовал совету сестры и приложил усилия? Возможно, ему следовало прийти к ней в гости с бутылкой вина? Или пригласить на ужин в ресторан?

Он ничего этого не сделал.

Тристан оставил старую фотографию Джекки на прикроватном столике, и теперь взял ее, чтобы как следует рассмотреть. Девушка была прелестной. Носик чуть вздернут, глаза

лучились смехом. Рот не был маленьким и изящным. Губы полные и чувственные, как на рекламе губной помады, и... готовые к поцелуям.

– Действуй, Олдридж, – громко проговорил он, положил фотографию на столик и встал с кровати.

Трис был голоден. Да и после ужина ему предстояла нехилая работенка – раздеться с помощью только одной руки. «Будь Джекка рядом, она бы помогла», – подумал он и застонал.

Холодильник был полон – честь и хвала домработнице. Она готовила разносолы у себя дома, приносила и складывала в его холодильник. Четыре года назад, когда он ее нанял, женщина взидала на него горящими глазами. Но теперь она собиралась замуж, больше не метала в его сторону пламенных взоров, а если обращалась с просьбой, то разве что посмотреть большое горло.

Трис наполнил тарелку холодным салатом и ростбифом, открыл бутылку вина и сел за стол.

Джекка прямо сказала, что ее не интересует жизнь в маленьком Эдилине и в конце лета она уедет в Нью-Йорк.

Он знал, что должен уважать ее желания. Ему необходима женщина, с которой он проживет жизнь, и эта женщина, увы, не Джекка. Ему уже тридцать четыре года. Оглянуться не успеешь, как стукнет сорок, и будет поздно обзаводиться семьей.

Возможно, если он последует совету сестры и приложит усилия, то сумеет убедить Джекку задержаться в Эдилине подольше. А может быть, узнав друг друга лучше, они поймут, что между ними могут существовать только дружеские чувства. Не исключено, что обжигающий жар, который охватил его сегодня в ее присутствии, быстро исчезнет сам по себе.

Рассмеявшись собственным мыслям, Тристан достал ноутбук и включил.

– Интересно, какие книги есть о Купидоне и Психее, – сказал он сам себе, – и где их можно купить?

Вполне возможно, впереди его ждет неудача, однако на этот раз он собирался как следует постараться, чтобы завоевать девушку своей мечты.

Глава 4

Джекка проснулась с улыбкой на губах – это было ее нормальным состоянием в Эдилине. Почему-то казалось, что наступивший день станет началом ее жизни. Мысль, разумеется, была абсурдной. Никто не начинает жить в двадцать шесть лет.

Возможно, у нее начнется новая жизнь. Или что-то вот-вот произойдет. Что-то очень хорошее.

Она потянулась и удобно устроилась на подушках. Временное жилье ей очень нравилось. Особенно кровать. На ней был удивительно удобный матрас. На такой кровати хорошо лениво валяться и мечтать. Или заниматься любовью.

Последняя мысль заставила ее улыбнуться. Вспомнилось неожиданное свидание накануне. Надо же – свидание вслепую, с человеком, которого она не видела! Она слышала его голос, чувствовала дыхание, прикосновение его руки, но не видела! Пожалуй, с ней никогда в жизни не случилось ничего столь романтического. Жаль, что луна не появляется утром – она помогла бы сохранить настроение. Джекка снова засмеялась над абсурдностью идеи. Но дневной свет возвращает к реальности. И к работе.

Сегодня Ким должна была заехать за ней и отвезти в Эдилин. Что случится, если там они встретят доктора Тристана Олдриджа? Может быть, они пожмут друг другу руки? И будут подчеркнуто вежливы?

Будет хуже всего, подумала Джекка, если он начнет извиняться за все, что было вечером. Ведь он вполне мог сожалеть об излишней откровенности с незнакомкой.

Конечно же, она не пойдет на свидание сегодня вечером. Раз он открыто сказал, что ищет жену, вопрос о встречах с ним даже не рассматривается. Джекка – человек новый в маленьком городке, так что понятно, почему он решил попытаться счастья с ней. Но даже невинный флирт принесет ему боль. Когда она в конце лета вернется в Нью-Йорк – а она обязательно туда вернется, иначе и быть не может, – ему будет неприятно. Нет, им не стоит встречаться.

Она выбралась из кровати, оделась и вышла из комнаты. Ким приедет через час, и ей надо быть к этому времени готовой. Открыв дверь, Джекка почувствовала запах жареного бекона и какой-то выпечки. Банановых булочек?

Ее немного волновала предстоящая первая встреча с миссис Уингейт. Интересно, неуловимая Люси при появлении Джекки встанет и убежит? Но первое, что она услышала, подойдя к двери кухни, был смех.

В большой чистой комнате было две женщины, обе симпатичные и аккуратные. Та, что пониже, стояла у плиты, высокая сидела за столом. И Джекка сразу поняла, кто есть кто. Высокая женщина обладала врожденной элегантностью и поистине королевской осанкой. К такой особе невозможно было обращаться по имени – только «миссис Уингейт». Джекке не говорили, но она и так знала: только Тристан и его сестра называли ее «мисс Ливи». Низенькая женщина выглядела вполне дружелюбной и приветливо улыбалась. Наверное, это Люси. Джекке пришло в голову, что ее отцу понравилось бы здесь, с этими милыми женщинами.

– А вот наконец и вы, дорогая, – сказала высокая женщина. – Заходите скорее и садитесь с нами завтракать. Я – Оливия Уингейт, а это Люси Купер.

– Здравствуйте, – сказала Джекка, с любопытством поглядывая на Люси. Та вовсе не была похожа на затворницу.

– Сегодня у нас бекон, омлет и банановые булочки, – сказала Люси. – Что вы предпочитаете? Или и то, и другое, и третье?

– Я бы предпочла все сразу, – улыбнулась Джекка. – Вчера я пропустила ужин.

– Вы вернулись очень поздно, – заметила миссис Уингейт, и обе женщины уставились на Джекку в ожидании объяснений.

«Маленький городок!» – подумала Джекка. Никто в ее многоквартирном доме в Нью-Йорке не обращает внимания, когда она уходит и приходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.